

У каждого поэта — своя Лира и свой Пегас. Пегас Сергея Захарова — морехода и кораблестроителя — подгоняемый морскими ветрами Белый Парус, его Лира — летящая над волнами, первой принимающая на себя удары штормов Ростра.

Новая книга автора — итог более чем 30-летней творческой работы, отражение двух ипостасей его жизни: внешней, протекающей на фоне стальных кораблей, и внутренней, поэтической, в которой он предстает не только опытным морским волком, но и тонким лириком, метафористом и философом, а подчас и довольно злым, не без солёного словца, сатириком. Поэтому каждый читатель найдет здесь строки о себе и для себя. Такой, наверное, и должна быть книга избранного.

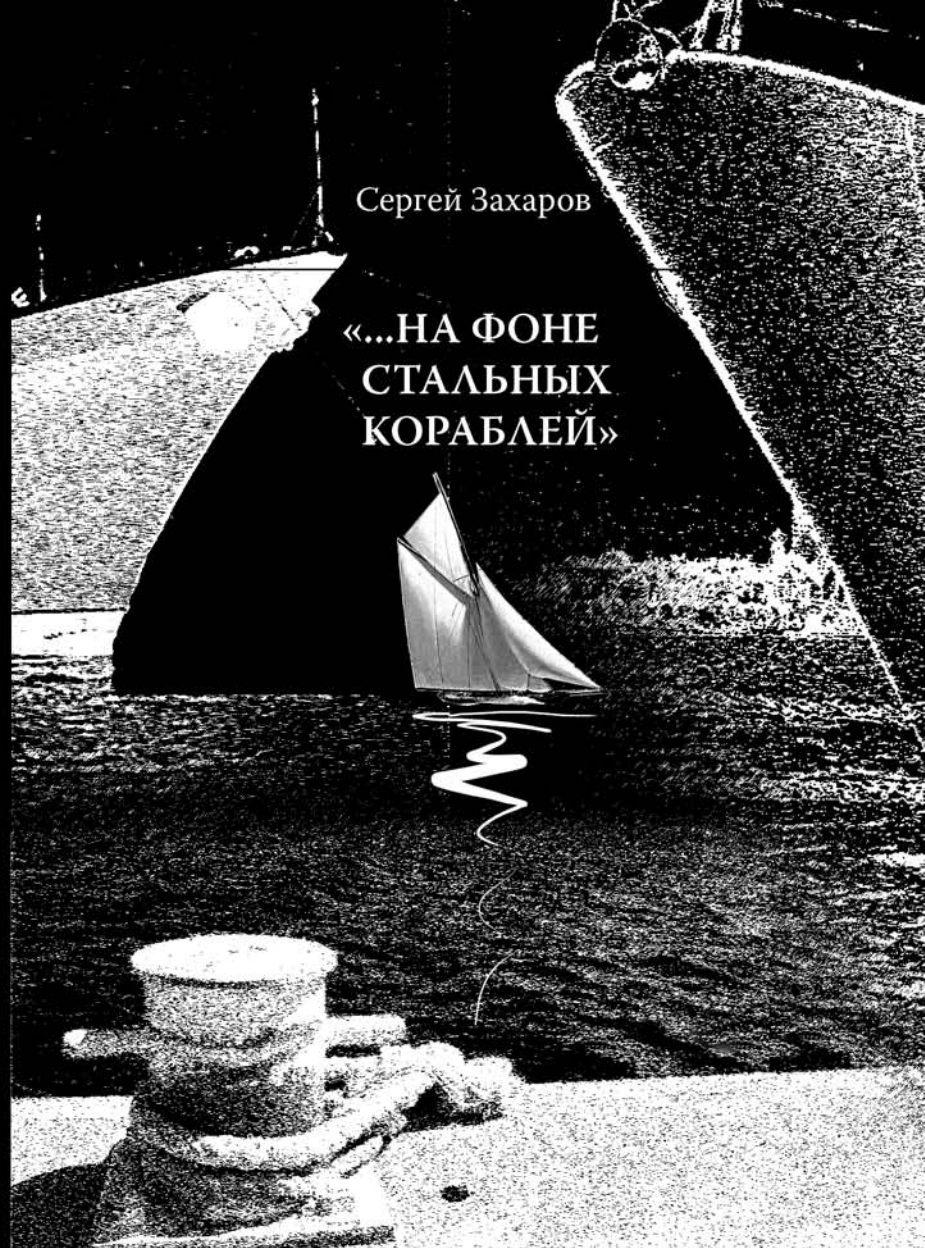

Сергей Захаров

«...НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ»

Сергей Захаров

«...НА ФОНЕ
СТАЛЬНЫХ
КОРАБЛЕЙ»

Сергей Захаров

«...НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ»

Сергей ЗАХАРОВ

«...НА ФОНЕ
СТАЛЬНЫХ
КОРАБЛЕЙ»

Избранное

ПЕТЕРБУРГ
XXI
ВЕК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

2009

Художник Алексей Портнов

Захаров С.

338 «...На фоне стальных кораблей». Избранное: Стихотворения. — СПб.: «Петербург — XXI век», 2009. — 232 с.

У каждого поэта — своя Лира и свой Пегас. Пегас Сергея Захарова — морехода и кораблестроителя — подгоняемый морскими ветрами Белый Парус, его Лира — летящая над волнами, первой принимающая на себя удары штормов Ростра.

Новая книга автора — итог более чем 30-летней творческой работы, отражение двух ипостасей его жизни: внешней, протекающей на фоне стальных кораблей, и внутренней, поэтической, в которой он предстает не только опытным морским волком, но и тонким лириком, метафористом и философом, а подчас и довольно злым, не без солёного словца, сатириком. Поэтому каждый читатель найдет здесь строки о себе и для себя. Такой, наверное, и должна быть книга избранного.

84Р7-5

ISBN 5-88485-187-1

© С.А. Захаров, 2009

© А.М. Портнов, оформление, 2009

МОРЯ И БЕРЕГА

Океаны, моря, каравеллы, фрегаты, бригантины — все это многие века вдохновляло поэтов и писателей. Романтика плаваний сравнима разве что с полетами в космос, только родилась она в такой далекой древности, что трудно вообразить себе глубину погружения в те времена. Корабли менялись, паруса уступили место дизелям и турбинам, но человек остался прежним. И как много веков назад, он выходит один на один с соленым простором, противостоит стихии, любит игру волн и понимает, что океан — это жизнь, которая рано или поздно приведет тебя в последнюю гавань.

Но для того, чтобы выйти в море, нужен корабль. И люди, строящие его. А создание корабля мало похоже на романтическое плавание. Это тяжелый труд, о котором вряд ли захочется слагать лирические стихи. Однако они, эти стихи, существуют, и не только лирические: хватает в них и юмора, и философских *размышлизмов*. И если вы откроете эту книгу, то как раз и попадете в мир кораблестроителей и моряков, с их не всегда цензурной, но очень исчерпывающей яркой лексикой.

Автор сборника Сергей Захаров, выпускник «Макаровки»*, ходил в море на гидрографических судах, а затем руководил строительством атомных крейсеров на четырежды орденоносном Балтийском заводе. Стихи о море, о ходовых испытаниях, о времени и о своих жизненных перипетиях он начал публиковать уже в 70-х, творческий процесс продолжается до сих пор. На фоне стальных кораблей текла жизнь с ее счастьем и горем, любовью и враждой, смехом и слезами. Все это находило отражение в книгах, вышедших ранее, — и собственных, и созданных под коллективным псевдонимом Агей Назаров «Хмелевок».

Формально не примыкая ни к одной из известных поэтических групп, Захаров в центониках близок к московским метафористам — но с характерным питерским акцентом, да и стиль свой автор выработал несколько ранее их появления на свет.

К сожалению, формат стихотворного сборника не позволил разместить прозу Захарова, например, его блестящую расшифровку авторских кодов в «Мастере и Маргарите», созданную в конце 80-х годов — «Жертвы Луны, или Пять измерений Михаила Булгакова» и опубликованную крошечным тиражом в 2005 году...

Тонкий поэт и одновременно успешный бизнесмен, гремучая смесь «в одном флаконе»! И кроме всего прочего, несмотря на все тяготы и лишения, убежденный оптимист, настроенный на позитив вопреки враждебности окружающего мира.

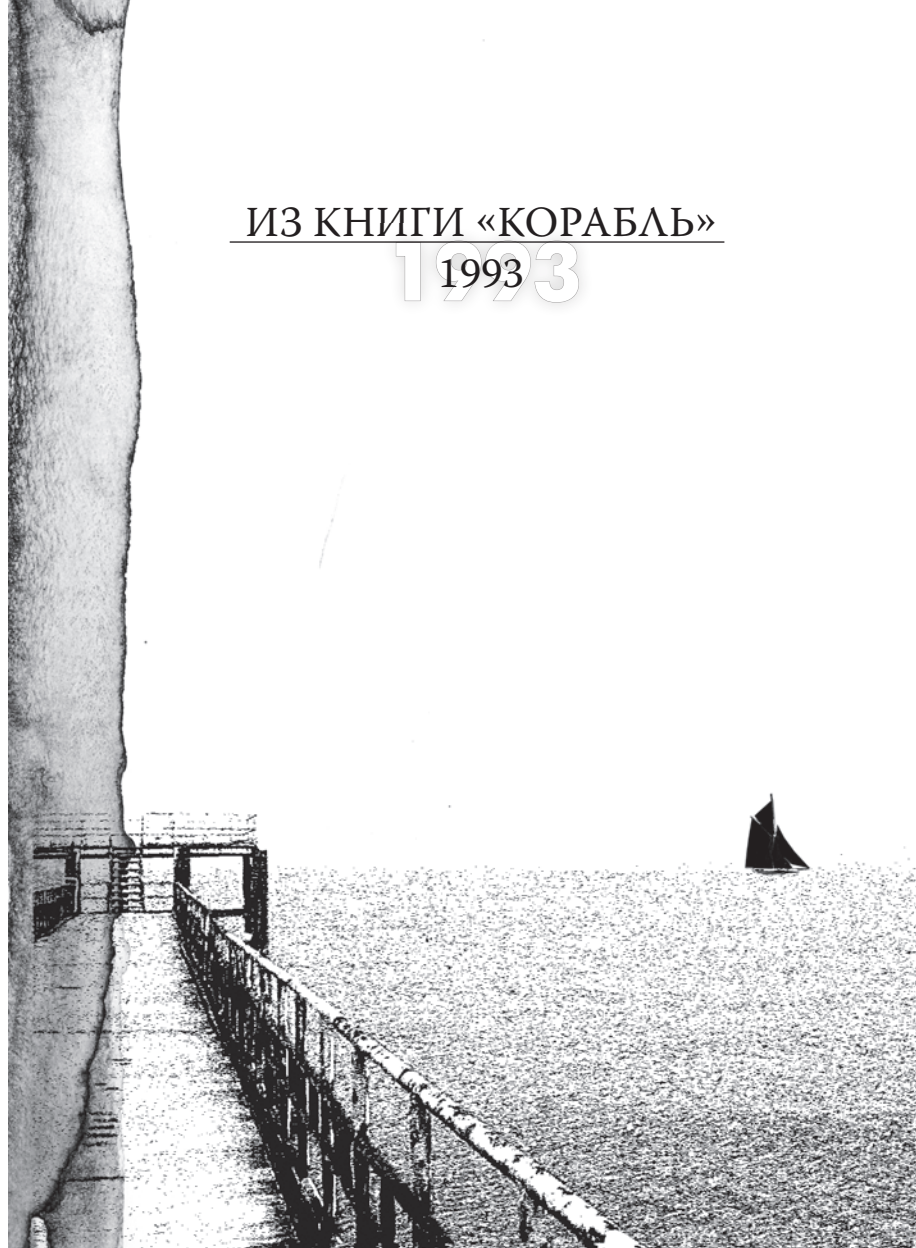
В твоих руках, любезный читатель, книга стихов, которая несомненно утвердит тебя в убеждении, что жизнь — хорошая штука, как ни крути!

А. Саширина

* Ленинградское высшее инженерное морское училище, ныне — Государственная морская академия имени адмирала С.О. Макарова.

ИЗ КНИГИ «КОРАБЛЬ»

1993

ДЕТСТВО

Моря остались за кормою,
а впереди был океан...
В просторе синем были двое:
я и кораблик мой — диван.
Служила мостиком подушка,
под одеялом кубрик был,
в трубу подзорную — катушку —
искал маяк, что чуть светил.
И мать смущенно улыбалась,
со мною радости деля,
когда квартира оглашалась
лихими криками: «Земля!»
Стащив с меня свою фуражку,
с трудом серьезность сохраняя,
отец сказал мне: «Спи, дурашка»,
а маме: «Сын пошел в меня!»

* * *

Ухожу я опять.
Разве можно стоять кораблям?
В тихих гаванях
можно ли спорить с ветрами?
Но молчит мое чудо.
Взгляд сына по-детски упрям.
Он как маленький якорь
в нас впился руками.
...Знает только ушедший,
как берег вдали потускнел,
как визжали шторма
и под корпусом лопались льдины.
Уходить,
чтоб вернуться, —
таков морехода удел,
из столетий пришедший,
достойный мужчины.

АРКТИКА. НАЧАЛО НАВИГАЦИИ

Июль стоит на краешке России.
По целине нетронутой пошел,
вздымая лед усилием многосильным,
арктический крестьянин — ледокол.
И в узкий след его стального плуга,
прорезавший сверкающий массив,
большие сухогрузы друг за другом
идут, про отдых в Арктике забыв.
Идут вперед, беря за ориентиры
на островах, что голы и пусты,
огни в ночи, сигналы из эфира,
первопроходцев старые кресты...

ОКЕАНСКИЕ БУДНИ

Сегодня — порт,
а завтра — море,
а послезавтра — океан.
Жить на ходу, в немом просторе —
так суждено, так нужно нам.
Нас океан волною встретил,
залив от бури приютил...
То день, то ночь,
то штиль, то ветер,
дрожащей палубы настил.
Ты видишь, у штурвала стоя,
как, городов огни включив,
планета — лайнер, волны роя,
плывет в космической ночи...

КРИК В ОКЕАНЕ

Над океаном звезды — как салют
 в честь майского победного возмездья.
 Скользит корабль.
 И на мачты льют
 свой мягкий свет далекие созвездья.
 По курсу — ночь, восход нагонит в пять.
 В такие звезды грех ложиться рано,
 и бесконечно хочется вдыхать
 неповторимый запах океана.
 А штурмана коварно тянет в сон.
 Да разве удивишь его морями!
 И, чтоб на вахте не ловить ворон,
 он ловит на приемнике Майами.
 Что ж, музыка — не лишнее в ночи,
 уж лучше звездам петь, чем в зале.
 Хоть далеки, а все же горячи.
 (Вот похвалил — и ярче засияли.)
 ...Но из приемника, луны качнувши серп,
 аккордов ослепительнейшей вспышкой,
 вдруг вырвался тревожный выкрик: «Help!»,
 поскольку штурман сделал громко слишком.
 Он звук убрал — и сразу крик зачах.
 Лишь сердце уколола страха льдинка,
 да краткий миг туман висел в очах,
 как будто стая розовых фламинго.
 Приемник наш теперь чуть слышно что-то пел,
 шипел ночной эфир над океаном древним.

Застывшая луна была бледна как мел,
 как лунь была волна, разрезанная штевнем.
 И где-то в вышине вдруг тихий вздох возник...
 Да, это было там, на небосклоне грозном,
 где умер на лету, едва родившись, крик,
 направленный не нам, скорей всего, а звездам.
 Ты, Человек, велик или смешон,
 когда кричишь созвездьям «помогите!»?
 Земля, Земля, цветущий электрон,
 летящий карусельно по орбите.
 Сумей спастись сама от гибели,
 сумей!

Бессмысленны к далеким звездам крики.
 Планета дураков
 или земля людей,
 учтенная Вселенной
 в Красной книге.

СЕНТЯБРЬ

Возьмешь ли на себя мои заботы,
иль просто посочувствуешь, любя,
я рад, что ты меня, а не кого-то
нашла в чертополохе сентября.
Не я искал, меня ты отыскала...
Смеялся лес. Нам было не смешно.
В твоём платке опавший лист усталый
запутался беспечно и грешно.
Сентябрь в листве цыганской бесновался,
аукались истошно грибники.
Шепнула ты: «ау», я отозвался,
и эхо зашепталося у реки.
...Пока идем, друг другу помогая,
меж нами тени не давая встать,
сентябрь еще живет в нас, дорогая,
и шепчет нам: «Не смейте забывать».

ОСЕНЬ В ТОКСОВСКОМ ПАРКЕ

Застряли в облаках холодные лучи
неяркого осеннего светила.
Как черные дымы, растаяли грачи,
и озерцо под тонким льдом застыло.
Весь в инее земли застывший монолит.
Но скоро, очень скоро на аллеи
из Арктики метель на крыльях прилетит
и белый сон Карелии навевает.
Настал последний день бесснежья.
На ветвях
последние листья готовятся к отлету.
И мнится, будто их лететь торопит страх,
что не зима идет, а незнакомый кто-то.
Но мудр ход времени — и ждет зимы земля,
и я пишу о том, как это чудо вижу,
хоть тысячи людей писали до меня
и тысячи потом еще напишут...

ОКЕАН И КОРАБЛЬ

Не проси.
И в спокойном отказе
не ищи
нелюбовь иль обман.
Невозможно в коротком рассказе
описать,
как велик океан.
Я ведь так до конца и не знаю,
кто сильнее был в отчаянный час —
мы,
 пройдя по неверному краю,
иль пучина,
 помиловав нас.

НОВЫЙ ГОД

В крест на полу вонзился комель елки,
сосет полуночь пламя с фитилька,
и пляшут тени по углам и полкам,
шеренгам книг, по лепке потолка.
С друзьями пью.
(Пусть кто-то недоволен,
но должен я услышать раз в году
беспечный смех, рожденный алкоголем,
спор обо всем, что есть, начистоту.)
Мы вместе здесь, а значит, не ужалит
до будних дней паскудная тоска.
Веселье жжет, вертушка диски жарит,
и стынет жир, стекая с шашлыка.
У смерти недолеты, перелеты,
хоть трудно с ней разыгрывать гамбит...
Но смотрит жизнь из книжных переплетов,
и через край шампанское бежит.
Все кутерьма, все сон, все небылицы,
все невесомо, все смешно, как миг...
Две ценности: друзей старинных лица
и мудрые страницы вечных книг.

* * *

По белому свету, по черному свету
 бегу,
 торопливо листая газету.
 Бегу,
 все успеть и все сделать стараясь,
 в дверях и витринах на миг отражаясь.
 Безумная гонка.
 Бесцельная гонка.
 На плане пунктиром намечено тонко,
 где путь мой пройдет,
 и фигура пунктира
 есть круг моего неуютного мира.
 И времени нет.
 Остановки опасны.
 Мученья — смешны, и сомненья напрасны.
 А взгляды туда,
 где исчезла подруга,
 не могут проникнуть
 за линию круга.

ЗЕРО

Был и я.
 Пылинка на песчинке.
 Но пришел
 в программу вбитый час.
 Щелкнул тумблер.
 Эхо поединка
 резко стихло.
 Свет в глазах погас.
 Но застыв перед стеною мрака,
 я шепнул, преодолая боль:
 — Смерти нет.
 Есть перемена знака,
 переход мгновенный через ноль.
 И, оставив скорченное тело,
 проскользнул
 из жизни
 через смерть
 в антими́р,
 где снова жизнь кипела
 и вращалась
 та же круговерть.

ПРОРОК

Конец запутанного века.
Смешались сотни тысяч прав.
Вне хора голос человека
не слышен. Но молчащий — прав!
Их мало, мало... единицы.
Их день немыслимо далек.
О, как приятно с хором слиться,
о, как молчащий одинок.
И махи маятника мерны,
и неизведан в завтра путь,
и все слабее всплески веры:
«когда-нибудь», «когда-нибудь»...
Как тяжело ты, молчанье Будды,
как напряженно дышит мим,
но не дано увидеть чудо,
в тиши предвиденное им.
Он не дожидается воплощенья
и, уходя, оставит нам
свои великие творенья,
где боль с надеждой пополам.
Поставят памятники — первым,
усвоив трепетную суть,
и воспоют певцы их перлы...
Когда-нибудь, когда-нибудь.

ЗВЕНО

След на песке, след в океане —
звено цепи.
Мгновенье склеено веками:
копи, копи.
Бесследно только неживое,
но жизнь — везде.
Еще мы встретимся с тобою
там, на звезде...
Былого след — безмерно дорог,
но нужно нам
потомка отыскать сквозь морок
и фимиам.
Как учащенно бьется сердце...
За то наш тост,
чтоб разглядеть в чулане дверцу
сквозь пыльный холст,
чтобы скрестились взгляды наши,
к руке — рука.
Салют, праправнук!
Сдвинем чаши —
через века.

* * *

Спутав намертво былъ и небылъ,
выйди вечером за порог...
Равнодушно зияет в небе
лунный мутный дверной глазок.
И оттуда, где солнце село,
прилетев, как на страшный суд,
ворон черный и голубь белый
на плечах у тебя замрут.

ОТРАЖЕНИЕ ДНЯ

Ночь дождливая.
Лампочки желтой
чуть живой раздражающий свет...
Объясни,
ангел чей, чей посол ты,
может, бога, которого нет?
Там у вас все смешные такие?
Но коль честно признаться, я рад,
что глаза наконец-то родные
повстречал мой заждавшийся взгляд.
Ночь дождливая —
снов проявитель,
отраженье зеркальное дня.
Говорят, будто ангел-хранитель
есть у каждого.
И у меня.

* * *

Сверхмарафон — скачок — и... Нечто!
И снова бег во весь опор.
И слышит только бесконечность
незавершающийся спор.
Ищите грань — едва ль найдете.
Я — это ты, ты — это мы.
Есть высший смысл.
Он в верхней ноте —
восьмой — из сплава светотьмы.
Всю мудрость древнюю поймете,
всю мудрость — и внутри и вне.
Исток — в земле.
Земля — в полете.
Полет — в борьбе.
Борьба — во мне.

* * *

Одолевши с трудом полпути,
как не хочется дальше идти.
Но обратно идти иль вперед —
одинаково. Даль не зовет,
и назад, уж конечно, не тянет,
раз дорога бессмысленной станет...
Одолевши с трудом полпути,
продолжаешь идти и идти.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы — поколение нервных песен,
но даже рваный ритм нам тесен.
Аэрофлот клянем, зевая,
что он стал медленней трамвая.
Мы — поколение нервных связей,
нам не нужны Джульетта с Асей.
Содрав с актрисок одеяла,
свои мы лепим идеалы.
У телевизоров скучая,
любимых мы не замечаем,
а если их и замечаем,
то только за вечерним чаем.
Мы — поколение рваных мнений,
контакт полярных заблуждений.
Бежим за истиною кодлой,
но лишь за истиною модной.
Мы — поколение модной рвани,
помеченное лейблом «Wrangler».
Мы и в горах Афганистана
мычим мотивы Челентано.
Мы — порождение Тьмы и Света,
мы — это сумерки планеты,
задача в книжке (без решения)...
Разорванное поколение.

1984

ИЗ КНИГИ «КОРАБЛЬ-2»

1995

БУЛГАКОВ. 1934 ГОД

Непрошенный, неузнанный, нечитанный,
 под сереньким октябрьским дождем
 в пальто и шляпе чешет по Пречистенке
 писатель, перечеркнутый вождем.
 Театр начинается не с вешалки —
 с трагедии творца, с его беды.
 В листе опавшей, будто с кровью смешаны,
 алеют Патриаршие пруды.
 Лишь вера в предначертанное истинна.
 Унылое занятие — строить рай.
 Есть выход и, пожалуй, не единственный,
 не тот, где головою под трамвай.
 Есть труд такой: склонившись над блокнотами,
 искать слова, спустившись в потный ад,
 чтоб этой черной адовой работою
 зажечь один хотя бы тусклый взгляд.
 Есть долг и совесть, истины вчерашние,
 есть высший смысл,
 и ненавистен им
 обрушившийся в воды Патриаршие
 задушенный тоской Ершалаим.

НЕДОПИСАННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Умер Сталин.
 В тот год я родился.
 По Надеждинской мел листопад.
 Мелкий дождик по стеклам струился.
 «Снегиревка»*, октябрь, Ленинград.
 За окошком скучали задворки.
 Засыпала, отмучившись, мать.
 Молоко показалось мне горьким —
 вождь ушел, но успел напугать.

* Родильный дом им. профессора В.Ф. Снегирева.

ВЕРА

Курился ладан, воняла сера...
Когда терзала Русь вражья сила,
нас вывозила, спасала вера.
Во что — неважно, но вывозила.
Пусть надсмеются или осудят,
что верим каждой красивой басне.
Мы знаем точно, что завтра будет
чуть-чуть яснее, чуть-чуть прекрасней.
Иисусы множатся, и иуды,
и саваофы, и люциферы.
Уж лучше верить и быть надутым,
чем надувать на основе веры.
Поверь!
Хотя бы в свое рожденье.
Ты — икс, не вычисленный в примере.
Прекрасна жизнь, если жизнь в движенье,
движенье — в поиске, поиск — в вере.

* * *

Расхристанное облако летело,
гоняя тень по невоскому стеклу,
иглу адмиралтейскую задело,
подумало — и село на иглу.
На окнах засветились занавески,
сгущается фонарный полумрак.
Опав, галлюцинирует над Невским
пришпиленное облако...
И так
не наше ли гнилое поколение,
на старте оборвавшее полет,
иллюзиями тешась,
без движенья,
не верит, не желает, не живет.

НИТЬ АРИАДНЫ

«Не постигает он души употребления».

Е. Баратынский

Жизнь постигая и пронизывая время,
узнал, что ада нет и рая,
а есть лишь смена поколений.
Из мрака вышли и во мрак уходим.
Налит бокал — и залпом выпит.
Кому же цикл такой угоден?
И страх боря перед стеною мрака,
скажу: июля нет без января,
вот где собака!
За мраком свет, за светом мрак,
и вечно
нам выдан проездной билет
сквозь бесконечность.
Но чтобы, открывая рты
в пути отрадном,
мы не свалились вдруг в тартарары,
душа дается нам —
нить Ариадны.

РЖАВЫЕ ГВОЗДИ

Дули ветры из жаркой пустыни,
и вонявшая потом толпа,
озадачив пилатов триклиний,
на Голгофу Христа волокла...
Можно ль жить, возлюбя своих ближних,
тех, кто злом за добро воздаст,
жить, коль друг отрекается трижды,
а другой вас врагам предаст.
Дуют ветры и падают звезды,
но по-прежнему будут торчать
в теле Господа ржавые гвозди,
за которые нам отвечать.

* * *

Безлунна ночь, а день был светел,
но время — злей.
И черный, черный, черный пепел
из всех щелей.
Нельзя, нельзя, нельзя наружу.
Меня прости.
Ведь пеплом тронутую душу
не отскрести.
На совесть дом построен.
Прочен.
Дверь — на замок.
А щели уплотним до ночи.
Готов мирок.
Сидишь под вечер у оконца
и зришь, смеясь,
как пеплом застланное солнце
садится в грязь.

НЕ ЖДИ

Не жди ничего, никогда,
смотря из вершины угла
на сектор тревог и потерь.
Не жди, что откроется дверь
и в солнечный луч у окна
скользнет легкой тенью Она.
Не жди, что устанут дожди,
что кончатся бури.
Не жди,
что может быть в сотне шагов
беда поджидает врагов.
Что, может, успех впереди,
что, может... что, может...
Не жди.

НА ПОДХОДЕ К КУБЕ

— Что там вдали, капитан,
утренней дымкой заносит?
— Куба, зеленый банан,
лежит на Карибском подносе.

— Вижу сиянье вершин.
Кто это с волнами спорит?
— Куба, летящий дельфин,
вольно резвящийся в море.

* * *

Когда к тебе подступит грусть,
та грусть, что вызвана разлукой
со мной,
напрасно не аукай —
я далеко, не отзовусь.
Меж нами миль тяжелых груз,
но помни истину простую:
когда я о тебе тоскую,
от глаз чужих не прячу грусть.
И ты ресницы просоли
среди смеющегося круга.
Ведь если мы грустим вдали,
то, значит, любим мы друг друга.

* * *

Одному в тишине немыслимо.
Сигаретой щекочет ус.
Меж страницей и звуком истина —
меж Сафо и «Европой плюс».
Разрывая на части голову
(изреченное чувство — ложь),
золотишко творю из олова,
и захочешь — не разберешь.
Убежавшие годы скорые,
как их вытащить, — нележки.
Тонко перышко, хоть и с норовом,
но оно создает стихи.
И лукавая, запропащая,
как стремительный майский стриж,
из прошедшего в настоящее
ты влетишь.

* * *

Пусть кричат со сцены и с экрана.
Ты доверься лучше рифмачу.
О любви своей кричать не стану,
я тебе на ухо прошепчу.
В тишине слова звучат яснее.
Это все же чудо из чудес
о любви тебе шептать, краснея,
слыша лишь дыханье, стук сердец.

ПОСЛЕ ВАХТЫ

Уставший от липкого времени,
от желтого мрака кают,
гляжу в календарь неуверенно,
хотя и уверен, что ждут.
Секунды быстры и проверены,
минуты спокойны.
Часы —
медлительны, но не намеренно,
их маятник движем не мы.
Из малого — в крупное. Слившись,
минуты слагают года.
А если вдруг, ритма лишившись,
привольно бы шли.
Что тогда?
Стена. Календарь. Снова сборище
тоску заливает вином.
А время, слепое чудовище,
идет между злом и добром.

* * *

Приснилось мне, что где-то бродим
мы утром ранним по росе,
приснились мне две птицы-брови
и лента алая в косе.
Как было странно и тоскливо,
как воздух легок, нежен был,
давно утраченное диво
со мною шло. И я любил.

* * *

В странном мире смешных фантазий,
в сумасбродстве ее идей
не найдешь ни смысла, ни связи,
этот мир присущ только ей.
И движением милой головки,
и манящей в бездну рукой
восхитительный чертик ловко
отнимает у вас покой.

* * *

Две розы алых на окошке,
огонь веселый в камельке,
клубок и спицы, книг обложки,
глаза в глаза, рука в руке.
...Но вмиг слились два крика боли,
окно разбилось, свет погас —
зеркальные осколки тролля
под сердце — Каю, Герде — в глаз.
Когда беда придет такая,
скажите, сказочник, как жить?
Ведь Герда любит, но не Кая,
а Кай не в силах полюбить.
Слезой осколка не размоешь,
а сердце — некому согреть.
От безысходности завоешь.
Жить больно.
Лучше умереть.

РЕВНОСТЬ

Я знаю, ты сегодня с ним,
и в час, украденный для счастья,
с ним дышишь воздухом одним,
пропитанным двойною страстью.
Там, в вашем мире, есть луна.
Она бесстрашна и недвижна.
На диск уставясь из окна,
я ваше отражение вижу.
Родная, прерван твой полет.
В апофеозе сладкой муки
испелен безумством рот
и сломлены истомой руки.
Ты не моя теперь — его.
Тебя зовет сегодня милой.
И нет на свете ничего
нежнее слов его и силы.
Кого в случившемся винить
и клясть тоскливо за безумье?
Его? Тебя? А может быть,
безоблачность и полнолуние?
Как тянет прыгнуть из окна
и с неба отражение рая
сорвать, чтоб рухнула луна,
меня с тобой соединяя.

* * *

В дальний край отпущена до ночи,
как с плеча вспорхнувший мотылек,
возвращайся, Аленький цветочек,
на тоской увитый островок.
Возвращайся! Чудище чуть живо.
Чтоб его надежда ожила,
прошепчи с порога торопливо:
— Друг сердешный, я к тебе пришла.

* * *

...Последний день. Бровей излучины
и выражение глаз измученных
меня молили: «Уходи».
Последний взгляд, у двери брошенный,
порог, метелью запорошенный,
и... облегчение в груди.

* * *

За окном шуршит аллея
и канал блестит как сталь.
За окном опять темнеет,
и опять в гостях печаль.
Вас, вообще-то, не просили.
Мне такая не нужна —
как собака Баскервией
молчалива и страшна.
Черный, черный, черный вечер —
перекрестие дорог.
Бесконечен и беспечен
одиноким кофеек.
Эта жизнь — такая бяка,
что легко идти ко дну.
Посидим, печаль-собака,
да повоем на луну.
Завтра будет утро злое.
Черный вечер ждет опять.
Приходи — опять повоем,
а пока что нужно спать.

* * *

Когда беда подступает к груди
и канат превращается в нить,
когда что было и что впереди
едино — не хочется жить.
Когда любовь превращается в труд,
а труд превращается в ад,
когда в часу сто двадцать минут,
и время повернуло назад,
когда равнодушные все сильнее,
и жизнь отпускает из пут —
иди, не страшась, в Долину Теней...
Там новые жизни ждут.

* * *

Мрак бездонный.
Мрак и нить.
Нить порвется — и не жить.
На кого тогда пенять?
Все завяжется опять.
Мрак бездонный.
Темный путь.
Не сойти, не повернуть.
Мирный бег не усмирить,
если встанешь — лопнет нить.
Человек упрям и гол.
За зубами — валидол.
Как легко в себя влюбить...
Лопнет, лопнет, лопнет нить...
Не сойти, не повернуть.
Вместо крови в жилах — ртуть.
Перетянута струна.
Мрак бездонный.
Тишина.

* * *

Ночь морозная. Дорога.
Равнодушный свод небес.
Денег мало, воли много, цели нет...
— Мне скушно, бес.
Без желанья, без упрека,
по дороге в никуда
из прекрасного далека
сквозь бездарные года,
убежав от мыслей липких,
на развилке наобум,
заблудившись в трех улыбках,
как в америках Колумб,
я бреду один неспешно,
сигарету сунув в рот,
бог не слышит, бес не тешит.
И отсутствует народ.

МЕТЕЛЬ

Завьюжила, замучила
проклятая метель.
Пусты и мертвы комната,
окошко и постель.
Бутылка водки начата,
окурок на столе...
Приснилось что-то чудное,
несбывшееся мне.
Усталостью измученный,
доверился я сну.
Сейчас вот водки выпью чуть —
и заново усну.
Пускай приснится комната,
окошко и постель,
что живо все и солнечно,
что лишь во сне метель.
Проснусь: бутылка брошена,
окурок на столе...
Приснилось что-то чудное,
несбывшееся мне.

* * *

Корабли уплывают,
отлетает листва.
Сколько лет себя знаю —
утром фляжка пуста.
Чем стенать о напастях —
лучше в пьянстве сгореть.
Не хочу быть несчастным
ни сегодня, ни впредь.
Золотистая осень,
синезвездная ночь.
Если женщина просит,
отчего ж не помочь.
Чем есенить проклятья
и по прошлому выть,
лучше в новых объятьях
о прошедшем забыть.
По рецептам поэтов,
по советам друзей
о безоблачном лете
песни петь веселей.
Это очень несложно —
жизнь в веселье прожить.
Прошлым жить невозможно,
но нельзя позабыть.

* * *

Летящее утро.
Мелькнуло — и нет.
И вот уже полный включается свет.
Беснуется полдень.
Палитра! Восторг!
Сверкает закат, но темнеет восток.
Вот солнце похоже на огненный шар,
но время идет — и тускнеет пожар.
Алеет полоска на западе. Но
недолго светиться и ей суждено.
На землю обрушится летняя ночь.
Спи крепче, приятель.
А символы — прочь.
Но, впрочем, пускай будут вечно с тобой
полуденный возраст, полуденный зной.

* * *

Океан — как колыбель любви.
Солнце жжет глаза и ветер в корму
и от нежности сжимает горло,
и чуть-чуть качает от любви.
В бухту счастья волны привели.
Сколько песен о любимой спето...
Наступила середина лета.
Середина жизни и любви.

ЧЕРЕЗ ДАТСКИЕ ПРОЛИВЫ

Снова судно отклонялось порту,
вод балтийских лежит коридор,
и в тумане по левому борту
проплывает седой Эльсинор.
Холодящая зыбь океана,
а потом все теплей и теплей...
Вот прекрасный, как краски Сезанна,
жаркий берег далеких морей.
Вот вам порт с экзотичным названьем
и прекрасные знойной порой
высь пронзившие белые зданья
у фонтанов с журчащей водой...
Но величие дуврских утесов
и романтика хмурых морей
не заменят курного носа
и веснушек девчонки моей.
Не заменят березовой рощи,
что являться мне стала во сне...
Нет водицы вкуснее и проще
той, что ждет на родной стороне.

* * *

То над мачтой качаются звезды,
то вдруг радуга, тая, звенит,
мчась от штевня сквозь светлые гроздья
брызг соленых в слепящий зенит.
В голубой акварели пасется
разноцветный подводный народ,
альбатрос в одиночестве вьется...
И грустит на корме мореход.

КАВКАЗ

В бескрайней мгле
исчез великий город.
Опять вдали от невыхских берегов.
По горизонту горы, горы, горы —
безмолвные свидетели веков.
Как непривычен питерскому оку
трехмерный мир. Как радостно с высот
взглянуть в ущелье, где бегут потоки
и замер скал порывистый полет.
Высокий мир прощенья и возмездья.
Мерцает как заточенная сталь
пронзившая далекие созвездья,
очерченная тонко, вертикаль.
Кавказ, Кавказ, старинная преграда
гостям незваным. Видимо, сродни
его снега болотам Ленинграда
в кровавые отчаянные дни.
Года летят
все с большим ускореньем...
Но эхо под обломками хранит
и пули свист, и вечных рифм рождение,
и плач зурны, и звонкий смех Лилит.
Бескрайность вертикального простора,
небес бездонных солнечный покров,
высокий мир, доверенный нам, — горы,
русских бардов первая любовь.

* * *

Вновь в сердце нищем гул капли,
и журавли летят, трубя,
и на пути к заветной цели
я обману тебя.
Как неприятно притворяться
ослабшему от многих ран,
к твоей постели продираться
через обман.
И делать вид, что в небе птицы
мне ближе, чем блестящий лед,
и, прыгая на половицах,
изображать полет.
Но вот замолкли звуки клавиш,
и ты в объятия зовешь,
и под ресницами скрываешь...
другую ложь.

* * *

Постель, подобная пустыне,
душа, подобная пескам.
И завтра будет то, что ныне
я неразумно создал сам.
Но тишь барханов полюбилась.
А той, кто мне на кой-то ляд
на перепутье появилась,
наврал: здесь будет город-сад.
Как яд фантазия повесы,
но пью живительный нарзан,
ей вместо истины повесив
меня возвысивший обман.

* * *

Жду тебя — и ты придешь,
потому что жду.
Не уйду ни есть, ни пить,
ни справлять нужду.
Опоздай на место встреч
хоть на сотню лет —
на скамеечке тебя
встретит мой скелет.
Улыбается сидит,
беленький такой...
Просто я умею ждать
как никто другой.

Из цикла «Знаки Зодиака»**ЛЕВ**

Разметелило, раздуло,
снегом сузило глаза.
Зодиак — и тот согнуло,
словно обод колеса.
Поезд — старого пьянчугу
не смущает гололед.
По Москве бродяжит вьюга,
в Петербурге дождь идет.
Три сестры недорыдали,
но попали прямо в цель —
убежала, убежала
после дождичка — в метель.
По столице, по столице,
недоверчивой к слезам,
улыбаясь, бродит Львица,
асцендентная к Весам.
Очень гулко, очень звонко,
беспокойно в голове —
петербурженка, девчонка,
что ты делаешь в Москве?
На Арбате — злые дяди,
в небе — Черная Луна.
Сохрани тебя, Создатель,

даже если не одна.
 Что тебя от дома гонит?
 Кто на ушко говорит?
 Что-то гонит, Питер тонет,
 а Москва горит...горит...
 Слушай, если разобраться
 и спокойно посмотреть —
 лучше в море искупаться,
 чем бессмысленно сгореть.
 Вьюга воет, воет волчи
 и заманивает в глушь,
 и хохочет, и морочит,
 и нашептывает чушь.
 Вьюга кружит, вьюга воет,
 и гнилем воняет гном,
 трупно вздувшийся от гноя —
 город, проклятый Петром.
 Кремль. Глупая царь-пушка.
 Звезд повешенных багрец.
 Ошалевший в бронзе Пушкин,
 полу-Лев, полу-Близнец.
 («Угораздило родиться...»)
 В Питер зимний — умирать!
 Угораздило влюбиться —
 дуракам везет. Опять.
 Чье-то щучье веленье,
 замеченная верста.
 Ускользнувшее виденье,
 убежавшая мечта.

Что ты мне твердишь про карму,
 про еси-на-небеси...
 Привокзальную цыганку
 о любви порасспроси.
 Не чертя тригоны, дока
 подтвердит тебе, изволь —
 ждет красавицу дорога
 и крестовый ждет король.
 Что еще тебе, прохвостка?
 Рая? Адского огня?
 Может, выйти на подмостки,
 чтоб заметила меня?
 Вьюга голову морочит,
 может год, а может три...
 На меня глядеть не хочешь,
 так на звезды посмотри.
 Вот Медведица Большая,
 вот Полярная звезда
 целомудренно мерцает.
 Питер — там, тебе — туда.

СТРЕЛЕЦ. МАРТ 91 ГОДА

Навалится усталость. Странный гнет.
 Крутись, крутись, крутись, мальчишка.
 Жизнь весела. Но как-то слишком.
 Жива лишь вера. Что, если умрет?

Блажен, кто любит.
 Весел, кто любим.
 Люби, а не читай газеты!
 Как с черным ухом белый Бим
 у ног твоих лежу.
 Но где ты?
 (Чтоб взгляд ее скрестить с моим,
 и мысль вернуть в иные веси,
 ей нужен не поэт, а мим
 с подарками на тыщу в месяц.)
 А за окном постылая капель.
 Там люди с карточками в сумках.
 Я лапкой мягкой наполняю рюмки.
 Ты пьешь коньяк, ресниц сужая щель.
 А ночью беспокойно спишь
 и бредишь теплыми морями.
 Вчера приснился солнечный Майами,
 под утро — виделся Париж...
 Бессильные желанья, жалкий кров,
 немытая посуда киснет в мойке.
 Весна, усталость, град Петров...
 Последний месяц перестройки...

ТЕЛЕЦ

Мы сошлись у гумна, где деревни конец,
 под крещендо недалевого волка.

Я спросил деликатно: «Вы, видно, Телец?»
 И она пробасила мне: «Телка».
 Я слегка помолчал, размышленьям итог
 подводя, и небрежно так вроде,
 улыбнувшись приятно, сказал: «Этот стог,
 третий слева, наверно, свободен?»
 Перейден Рубикон — нет дороги назад!
 Заблестели глаза из-под челки.
 И на мне задержав испытующий взгляд,
 промычала согласие Телка...
 Я бы мог описать эту схватку в ночи,
 и летящее в стороны сено,
 и победу ее (о, молчи, грусть, молчи!),
 и попытку побега из плена.
 Лишь с зарей ускользнул я, подобно лисе...
 От стыда улыбаясь криво,
 уползал по-пластунски в холодной росе
 и шипел от укусов крапивы.
 В безопасности, вытащив свой портсигар,
 закурил, прокляв гонор дурацкий,
 и подумал, что Телке той нужен дояр,
 а не дохлый поэт ленинградский.
 Забодала! Я выглядел, верно, юнцом.
 Это ж надо — попал на крутую.
 Но теперь... чтобы я, да хоть разик, с Тельцом —
 никогда! Ни за что! Ни в какую!

РЫБЫ

Кухня в однокомнатной берлоге,
маятника трепетного мах...
Не идет веселой недотроге
грусть-тоска в прищуренных глазах.
Что случилось, демон грустноокий?
Может, это мой нелепый сон?
Кто занес тебя под ночь в далекий,
неродной и мне микрорайон?
Сигареты вновь потухли обе
(кто-то вспоминает нас, малыш).
Что ты мне твердишь о гороскопе,
а о главном все-таки молчишь.
Впрочем, ты права — слова излишни,
нить двух судеб — скрученная нить.
Если я тебя сейчас не слышу,
значит, мне придется говорить.
— Эту ночь сомненьями не мучай.
Если скрыта в будущее дверь,
не спеши — пускай решает случай.
Он поможет, только ты поверь.
Случай — он проламывает стенки,
он один манкирует судьбой,
сделает Ахматовой Горенко
или, скажем, Пушкину — Ланской.
Может даже странного мужчину
на колени брякнуть.
Демон мой,

грусть твоя — не следствие, причина.
После грусти — радость и покой.
Не надейся, вешая подкову,
не гадай по ликам королей.
В нашей жизни тосковать не ново,
вот любить — значительно трудней.

* * *

Я закон изучил непослушного сердца,
понял только одно от своих визави,
что любовь никогда не бывает без секса,
это много приятней, чем секс без любви.

ИЮНЬ

Деревья в зелени.
Как странно...
Совсем я за зиму отвык.
Июнь нежданно-нежданно
среди подснежников возник.
Холодный, северный, зеленый
июнь, нам созданный на грех.
И бродишь ты,
во все влюбленный,
и хочешь радости
для всех.

ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТ

Свет горит рассеянно
в зеркалах витрин.
По лотку Литейного
льется сталь машин.
Весь покрытый блестками фонарей,
увы! —
Сжат простором Невского и седой Невы.
Но, в реке не тонущий,
он, назло волнам,
мост, как руку помощи,
перекинул нам.

* * *

Июль сбежал,
сверкая пяткой бóсой,
и в Летний сад,
уютно шелестя
листвой опавшей, тихо входит осень,
за свой приход прощенья не прося.
И по ночам,
дрожащие и злые,
на дождик по-латыни сыпля брань,
на бюст античный
статуи нагие
накидывают мраморную ткань.

* * *

Желтые листья
на черной земле.
Солнце на туче,
как на корабле.
Темен восток,
но алеет закат.
Сон опускается
на Ленинград.
Нежен сон первый
и сладок седьмой...
Как одеялом, накройся листвою.
Осени дрожжи — для теста души.
Прелой листвою задохнись — и пиши.

ИСКРА БОЖЬЯ

А.Н.

От ностальгии и от сплина
одно лишь средство — дисциплина.
А от любви неразделенной —
влюбись в другой росток зеленый.
От опостылевшего счастья
излечат разные напасти,
от беззаботности — заботы,
от скуки будней — блеск субботы...
Но если вдруг
под тонкой кожей,
как ослепительный пролог,
зажглась у сердца
искра божья —
не смей залечивать ожог!
Да, будут страшные прозренья...
Как больно, с ней сгорая, жить.
Но не найдешь себе спасенья,
ее задумав потушить.

ВОКРУГ СМЕХА

В восторге зал.
Хохочут у экранов.
От смеха лопнул пушечно софит —
еще один,
еще поэтик рьяный
отловлен и пародией прибит!
На сцене,
поздравленья принимая,
подтянут, обаятелен, мастит,
тончайшею улыбкой пониманья
поигрывает автор-пародист.
Его сейчас собравшиеся в зале
счастливы лицезреть и обожать.
Они стихов конечно не читали,
но не упустят строчку оборжать...
Читатель мой!
Задумайся об этом.
Ведь сказано же древним мудрецом —
губительно осмеивать поэта
(пускай не совладавшего с пером).
Пародии исполнены бахвальства.
Калечит смех в родстве с недобротой.
Брак не исправить
пошлым зубоскальством
в любом краю,
в профессии любой.
Нелепо, неестественно, как Несси,

как в мае на березе желтый лист,
увидеть где-то
в перечне профессий
профессию «писатель-пародист».
В СП и так достаточно балласта
при нашем непочатом крае тем.
Есть в пародисте сходство с педерастом,
поскольку оба заняты не тем.
Поэт и сам не даст себе покоя
у неоткрытой истины в плену...
Не надо пародировать плохое,
хорошее же — вовсе ни к чему.

* * *

Не любящих Орфея,
 о боги, покарайте.
 Внимающий искусству —
 сам будто бы творец
 и музыки Вивальди,
 и музыки Маккартни,
 и музыки нейтронов,
 и музыки сердец.
 Мелодией рожденный,
 шепчи со мною вместе:
 — Жизнь — это просто песня,
 пропетая не зря,
 хорошая ль, плохая,
 но все же это песня
 на музыку природы
 и тексты бытия.

ДЕКАБРЬСКИЙ ТРИПТИХ

День

В пеленках снежных,
 в колыбели
 Малышка-День, плаксив и хвор.
 Он любит спать.
 И Ночь с Метелью,
 дежуря у его постели,
 ведут унылый разговор.

Первый снег

Снег первый,
 пух ли тополиный?..
 Парок летит из сжатых губ.
 Зима.
 Ее напор былинный.
 И Русь запахла нафталином
 за лето одуревших шуб.

Месяц

Ночь. Звезды в небе невесомы.
 Морозец за душу берет.

Все спят.
Лишь Месяц, скрючась сонно,
держа на поясе кальсоны,
в нужник космический бредет.

* * *

В наш глупый век, бездарный и позорный,
уж строить памятник, так лишь нерукотворный.
Тогда надежда есть, что наш народ
его не осквернит и не снесет.

* * *

Нам на всех бы сгодился
один обелиск,
по соседству с родным гастрономом.
И на месте таблички —
запиленный диск
Розенбаума с «Вальсом-бостоном».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Над шипящей волной пятибалльной —
равнодушное око небес —
диск Луны
над планетой печальной,
как свечи стеариновой срез.
Приближения верные знаки
урагана, чей норев суров,
островками надежды во мраке —
огоньки проходящих судов.
Борт надежный
в кристалликах соли,
под ногами дрожащий настил...
Цену дружбы познав в этом море,
я его лишь сильней полюбил.

* * *

В Запределье — ни баб, ни буфета,
не поют, не слагают, не врут...
Я хочу на Земле быть поэтом,
пусть потом меня черти берут.

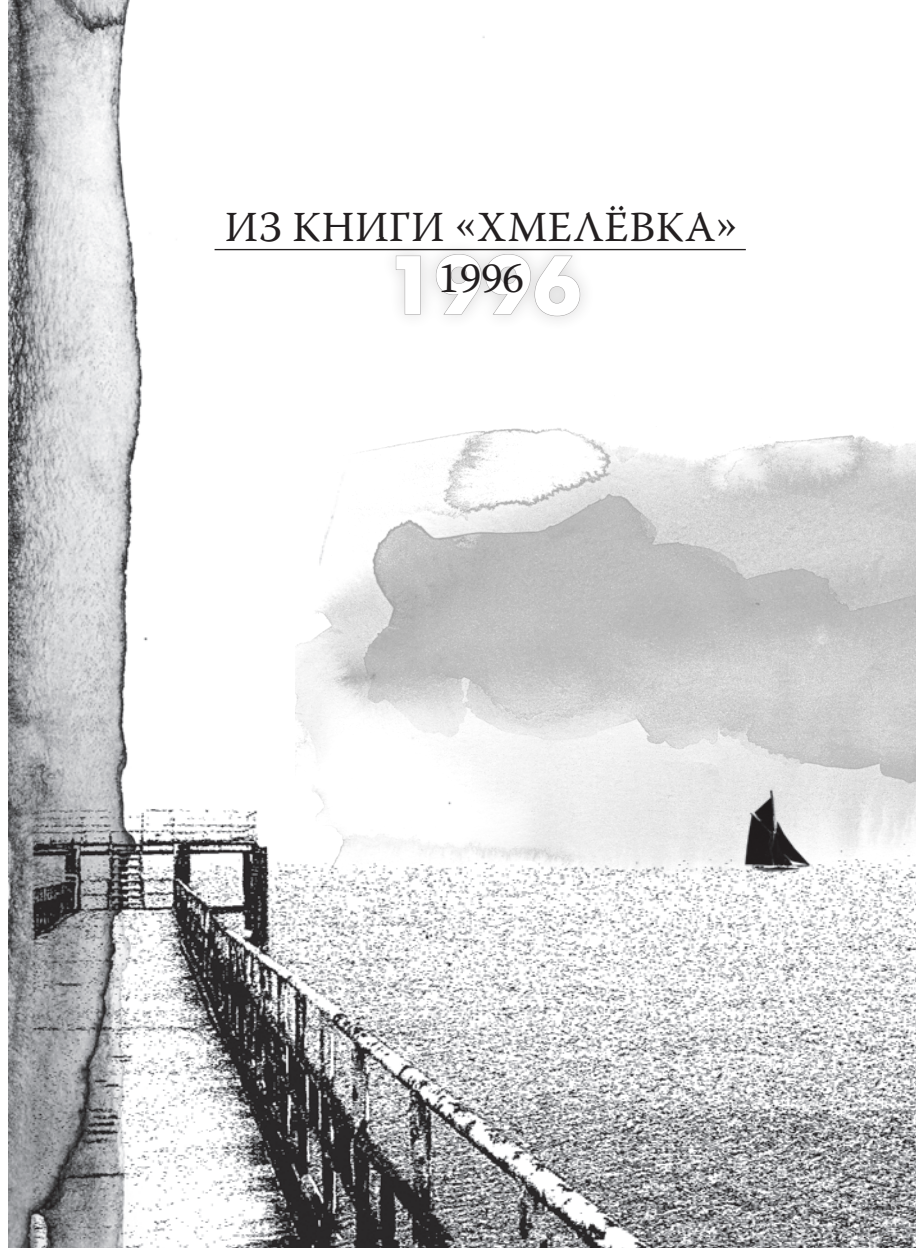
* * *

Прощай,
прощай, мой бывший я.
Как беспокойно.
Как печально.
Как будто огонь свечей венчальных
задуло вдруг у алтаря.
На изменившихся глазах
все изменяется, кружится,
и кажется,
что может сбыться
все, что ужалось в жалкий прах.
Не повторяются мечты.
Не убавляются сомненья.
И тусклый луч воображенья
не освещает путь. Почти.
У времени ужасный нрав.
В неведеньи живя, гадаешь.
А уходя, и не узнаешь,
кто прав был, кто из нас неправ.
Безжалостный, закатный век —
приют поэта-залудонца.
Уходит с утомленным солнцем
в обнимку черный человек.
В березняке, вдали, звенит
дождя линейка косая,
и в скаутском костре, мерцая,
растопкой рукопись горит.

Прощай, поэт.
Кружись, земля.
Кружись до головокруженья.
Нет смерти —
есть преображенье.
Прощай, прощай,
мой бывший я.

ИЗ КНИГИ «ХМЕЛЁВКА»

1996

* * *

Я пишу не перышком гусиным —
на коленях девица-душа, —
а в чаду мужицком керосинном,
банку килек пальцем потроша!

ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД «ЮНОСТЬ»

Поезда.
Несущаяся юность.
Под гитару!
Звонкие слова
несказанной
самой первой руны,
от которых кругом голова.
Мы летим,
торопимся,
стремимся,
нас влекут,
зовут к себе, манят,
проплывают и мелькают лица,
и ветра нам кудри шевелят.
Что нас ждет
в дали неизъяснимой,
где конечной станции перрон?..
Осень там, опавший цвет любимой,
седина, тоска, последний сон.

* * *

У медведя жена — медведица,
это сходится.
А гололеду — гололедица
кем приходится?

ПРИЗНАНИЕ ЛЮБИМОЙ

Триптих

* * *

Бумажки глянцевого клочок,
на ней Вы пьете коньячок.
Эх, мне на этом бы клочке
частицей быть бы в коньячке!

* * *

В галантерейном магазине
распродают бюстгальтера.
Как я хотел бы быть тем, синим,
что взяли Вы себе вчера!

* * *

Когда подходят эти даты,
без коих дамам не прожить,
берете Вы тампон из ваты...
Как им бы мне хотелось быть!

* * *

На перси дивныя крестьянки
давно не зарилась рука.
Вот до чего доводят пьянки
и разгильдяйство мужика!

* * *

Нет у народа ни шиша —
одна бессмертная душа.

* * *

Окончив, как обычно, в лапу,
с восторгом вышел из пике
и обомлел,
услышав «Папа!»
(Пищало что-то в кулаке).

* * *

Пришла перестройка —
закончилась пруха.
От грусти спадают штаны.
Две спутницы верных —
любовь и порнуха —
остались у нищей страны.

СХОД

(отрывок из поэмы)

Субботний вечер в гарнизоне.
Звеня подковами, как кони,
матросы радостные, ржа,
на пирс летят.

Их сторожа —
пятнадцать стройных офицеров,
проверив вахту на постах,
бегут домой на всех парах
от моря, службы и метели,
от спиртом пахнущих кают
в давно заслуженный уют
крахмалом пахнущих постелей.
И лаской каждый награжден
заждавшихся их дома жен.

От ветра пряча папиросы,
волной приливною матросы
в поселок катятся скорей
от надоевших кораблей.
Свобода! Суша! Увольненье!
Пусть вьюга и полярный мрак —
шинелью греется моряк.
Прав гений: все мы из шинели.
Какой же русский — и не чах,
ее таская на плечах.
Мы все от службы сатанели,

но хоть желали в неге жить,
любили в форме пофорсить.

Но у матросов на погонах
не видно звезд позолоченных.
А посему швейцар-болван
их не пускает в ресторан.
Там за окошками — веселье.
Оттуда пышет пряный жар.
Под каблуками пьяных пар
паркет качается ритмично —
им дирижируют битлы.
Углы то темны, то светлы.
И стонет парам неприлично,
и жизнь, похожую на сон,
дарует томный саксофон.

Прочь, прочь, братва, от ресторана,
матросам он не по карману.
Они, минуя исполком,
спешат в столовую гуськом
по снежной тропке верещащей
и через дверь, за рядом ряд
влетают в зал, где все едят
котлеты с гречневою кашей.
Здесь славно, просто дом родной...
Насыпят порцию с горой.
Здесь судомойка тетя Глаша,
бурча ругательства под нос,
несет пластмассовый поднос.

За полчаса набито пузо,
матросам это — не обуза.
Куда же дальше? — В магазин.
Ну а затем? — Да путь один,
он всех ведет в кинотеатр.
Там собирается народ,
там лента новая идет,
заснята модным режиссером,
где дева, влезши на кровать,
пытается протестовать
с непротестующим партнером.
Сие же значит — меж собой
воюют гласность и застой.

Зажегся свет — и нет постели.
Скорей — в объятия метели.
Сейчас матросу, как кроту,
быть неудобно на свету
по разным, видимо, причинам.
Но все на холоде пройдет.
К тому ж и время — кончен сход.
Пора по кубрикам постылым.
Отбой — матросу надо спать.
Пусть снятся дева и кровать,
и что его она любила.

...Но мудрый фельдшер с матерком
уж льет в котел компота — бром.

* * *

Масоны топят флот расейский!
«Андропов» — «Петр Великий» ноне,
а «Петр» — «камень» по-еврейски:
большой булыжник быстро тонет!

* * *

Когда кричит строитель главный,
все замолкает на борту.
И что дела у нас неладны,
узнают грузчики в порту.
Есть на Руси пока что глотки,
как рывкнет — так сорвется буй,
и эхо в Хельсинки и Котке
повторит нежно: ...уй...уй...уй...

* * *

Утихнут прощальные крики,
качнется каютный диван —
из Питера «Петр Великий»
проложит свой путь в океан.
Скользнет мимо Нарвы ушедшей,
и, может, наверное, зря,
но пушкой покрутит, конечно,
надменному эсту грозя.
Не знают все эти латвийцы,
испуганно сжав пулемет, —
полтысячи пьяных балтийцев
стальной император везет.

* * *

Как горько сознавать,
что после дня рожденья
приходят пустота,
усталость,
отупенье...

* * *

Залил стакан.
Занюхал коркой хлеба.
На брошенном кладбище
тлен и прах.
Я понял вдруг:
не вечно даже небо —
Толстой (Болконский)
в корне был не прав.

* * *

Манит жизнь,
как окуня блесна,
но лежу распластанным валетом:
в сердце — осень,
на душе — весна,
в голове — зима,
а в яйцах — лето!

* * *

Плохо преподали
в школе мне английский:
фак ю, перестройка и гуд бай, Балтийский.
Скоро, скоро стану
гражданином мира,
буду объясняться языком Шекспира.
Помогать по мере ихнему народу,
кушая овсянку, улучшать породу.
Похожу по пабам,
к Полу съезжу в виллу,
поэтесс британских обучу пить шило.
Где-нибудь по центру
гримпенской трясины
подарю герле их я платочек синий.
Миру — мир,
а значит, так я разумею:
каждой Айседоре
надо по Сергею!

* * *

Может быть, пора уgomониться,
но я, грешным делом, не люблю,
как нас унижает заграница
отношеньем доллара к рублю.
Но не плюйте в наши тити-мити
и с протестами не шлите факс.
Поезжайте в Киев и спросите,
сколько стоит ихний хохлобакс.

ИЗ ПОЭМЫ «ЯНТАРЬ СТАВРОПОЛЬЯ»

Конец реформенной поре:
 крах перестройки на дворе,
 и с юго-запада паленым
 Союз воняет обновленный...
 Встает кровавая заря
 над стенкой древнего Кремля,
 где в усыпальнице советской
 спокойно спит агент немецкий,
 где между елок в снег и дождь
 стоит другой великий вождь —
 Сосо — агент мусаватистский...
 Не спит в объятиях Раиски
 наш самый первый Президент.
 (Он тоже чей-нибудь агент,
 а может быть, и многих даже:
 потом история расскажет,
 предстанет без прикрас герой,
 когда копнет Медведев Рой.)
 Уж солнце входит в каждый дом.
 Рассвет украсил кумачом
 постель и перси первой леди...
 Хоть, в частной я скажу беседе,
 в России есть немало бед,
 а ледей, как и секса, нет!
 Сказать иначе — первой бабы —
 нам не внести неясность кабы,
 ибо в словах таких порой
 народу слышен смысл иной...

Итак, Москва-река в тумане.
 Кефир на столике в стакане
 так перед сном и не допит.
 Нос первой... нос ее сопит.
 Рассвет проник в дремоту зала.
 Рассвет окрасил одеяло,
 округлость райскую колен
 и пеньюар, что сшил Карден,
 пронзил насквозь лучом нескромным,
 истек божественной истомой...
 Но — ах! Строй тучек налетел —
 рассвет поблек и посерел,
 не отступив, — день неизбежен.
 Сон президентши безмятежен.
 Из уст пролился сладкий сок.
 Она уткнулась мужу в бок,
 виденья зря в цветной постели.
 Что снится трепетной газели?
 О, как мечтаю хоть чуть-чуть
 в сон этот дивный заглянуть...
 Ах, стой, перо, уймись, Эрато!
 Мы оба будем виноваты —
 в УК статья есть, так-то, блин.
 Ты сгинешь — сяду я один,
 и крышка будет диссиденту...
 Вернемся лучше к Президенту.
 Ему сейчас не до раис —
 мычит в бессилии:
 — Борис!..
 Всю ночь он имя повторяет,

скрежещет и слезу роняет.
— Борис! Борис! — твердит одно
и трет родимое пятно...
Знаток текущего момента,
я понимаю Президента —
все в этом имени слилось
и болью в нем отозвалось:
воз бед, свалившихся на выю,
тенета рвущая Россия,
партийных бонз мишурный блеск,
указов бесполезный треск,
бесславный крах законов винных,
сонм демократов деструктивных,
газетной тьмы ехидный вой
и транспаранты над толпой,
строптивый депутат российский,
кровавый мальчик прибалтийский,
змеиный гдяновский прищур...
И Президент трепещет:
— Чур!..
Он восстает с цветной постели.
В окошке, в мартовской капели
торчит кремлевская стена,
звенит последняя весна,
гудит голодная орава,
блестят трехцветные значки...
А вместо скипетра с державой
в руках лишь шляпа да очки.

Апрель 1991 года

ИЗ КНИГИ «ХМЕЛЁВКА-2»

2002

* * *

Лет двадцать пройдет,
нас подвинут на бровку —
и дочь или сын твой
откроют «Хмелевку».
Пускай изумятся,
как мы изумлялись,
что папы и мамы их
тоже стебались.

* * *

Флаг поднимается
над ютом —
на крейсер прибыл секретарь.
А контрагенты
жрут в каютах,
под глазом главного — фонарь.
Пройдет еще
хоть четверть века
и повторится все,
как встарь:
Североморск
лежит под снегом,
канистры, крейсер, секретарь...

* * *

Богаты российские недра,
поля наши радуют глаз,
и меньше в Бразилии Педров,
чем контр-адмиралов
у нас.

* * *

Весна тяжелая, похмельная
на смену пьянице-зиме.
И вялей ругань корабельная,
и мысли — о полярном дне,
чтоб солнце Кольское прорезало
и заслезило нам глаза,
чтобы лучом сквозь брюки врезало
и отпустило тормоза.
А то сидит на юте, мается
товарищ старший лейтенант.
Сегодня снова наакается,
быть может,
будущий талант.
И снова тропкою привычною:
сперва —
за бабой в «Океан»,
и с ней,
отбив ее у мичмана,
на свой продавленный диван.
Чтоб утром, оторвавши голову
под грохочащую капель,
идти на борт —
беречь честь смолоду,
почистив новую шинель.

* * *

Весною влюбляются: Вронский,
и Пьер этой хворью болел.
Оделся листвою Болконский,
с меня даже хмель улетел.
Твердил Станиславский: «Не верю!»
Как близок он мне, хоть и туп.
Стою и считаю потери,
как тот недоверчивый дуб.

* * *

Как Одиссей,
вернусь я к Пенелопе —
оралом быть
походному мечу.
Пусть долог путь,
пройду по всей Европе.
Вот разве что к Цирцее заскочу.

* * *

Я ухожу, нарушив твой покой,
и знаю, что ты мною недовольна.
Но коль навек
останусь я с тобой,
то сделаю другим таким же
больно.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Жить без любви
никто не может,
а потому, как ни криви,
любовь, что наше сердце гложет, —
отсутствие другой любви.

* * *

Флаг Андреевский на рее
под Полярною звездой
как бы в целом гордо реет.
Крест на нем —
и тот косой.

* * *

Встает заря
во мгле холодной.
Стою у булочной
голодный.
Без дела киснет
пищевод.
Вокруг меня
простой народ.
Шли курсом верным —
вот и рынок.
Чего ж он странненький такой —
без брюк, без польт
и без ботинок,
с неубедительной едой.

* * *

Все уже украдено до нас.
Может быть,
не стоит суетиться?
Но с высот
на жаждущие лица
за указом сыплется указ.
Это значит — новый передел,
значит, можно
чем-то поживиться.
И в стране
березового ситца
новый начинается отстрел.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЭПИТАФИЯ

Когда другие не посмели,
когда другие залегли,
мы кое-что еще сумели,
мы кое-что еще смогли.

* * *

Сначала был энтузиазм.
Потом — портвейн.
Потом — маразм...

* * *

Не жалею, не зову,
не плачу —
приобрел гараж, машину, дачу...

* * *

Никто не ждал,
никто не верил,
что частный сектор сотворит,
а он взлетел,
попав по цели
ракетным комплексом «Гранит»!

* * *

Вот вывод —
перл высокой пробы,
прозрение ночей моих:
жизнь не борьба,
а жизнь — учеба
без пауз, сна и выходных.

* * *

Стоят два киллера
на стреме
и ждут
директора АО...
А он идет —
душа в наземе,
долги висят,
дела — говно,
в квартире желчная жена,
в подъезде грязном тишина,
сортир и мертвенный покой,
и так не хочется домой...
А так хотелось
в райский сад,
чтоб без одежд и без оград,
чтоб плод запретный надкусить,
чтобы познать и полюбить,
расставшись с этим
грешным светом...
Но кто ему поможет в этом?
Негромкий киллерский хлопок
его туда отправить смог.

* * *

Труд завершив,
лежу на ложе,
я сделал всех на раз.
Ничто нас в жизни
не сможет...
Пускай прогнется под нас.

* * *

Искал, где буду я
всего полезнее,
людские души думал потрясти...
Я в бизнес делегирован поэзией,
чтоб в бизнес гармонию привнести.

* * *

Муж — голова,
супруга — шея.
На женский взгляд
быть шеей —
мед.
Она вертеть башкой умеет,
но кто команду ей дает?

КИНЖАЛ

Не точи с утра до ночи ляды,
позаботься лучше о ноже.
Вот Шер-Хан.
Он думал все о мясе,
а ему бы надо — о душе.

ИЗ КНИГИ «ХМЕЛЁВКА-3»

2006

* * *

Маратель, старатель, искусник,
я сделал из слов капитал...
Прости мя, Создатель, Иисусе,
за все, что я сдуру создал.

ИСПЫТАНИЯ РК «ТАТАРСТАН»

От Баку до Махачкалы
изрыгали огонь стволы,
от Махачкалы до Баку
все народцы сказали: «Ку!»

* * *

Враг одурачен и запутан —
корабль новый сдан «на пять»
давно отпетым «Абсолютом».
Аршином это не понять!

ПИТЕРСКИЕ

Мы по прописке и по сути
из Питера. Он нас взрастил.
Нас лично сам товарищ Путин,
на трон всходя, благословил.

* * *

Приют убогого чухонца
сменили, слеplены впритык,
дома, что сдали дети солнца —
серб, молдаванин и таджик.

СОВЕТ ВОЕНМОРУ

Если хочешь срубить
по-большому капусту,
отправляйся в столицу служить,
без балды,
где на Б. Златоустинском —
большие златоусты,
где на Б. Козловском —
большие козлы.

* * *

Желтые нашивки,
блик на козырьке,
светлые улыбки,
сборы налегке.
Кортик и погоны,
безупречен кант,
в сопках — гарнизоны,
в море — лейтенант.
За бортом — беспечность,
волны и года,
вал накатит вечный
адского труда.
Вал отхлынет белый,
что увидишь вмиг?
У КП замшелый
грустный отставник...

* * *

Демократию Европа
завела себе на жопу
и позвала Азию —
сделать эвтаназию.

* * *

Все тусклее огонек горелки.
Тоньше газа струйка из Руси.
Для сугрева — сало и горилка.
Младший брат,
ты старшего — прости.

* * *

Чтоб сбросить быстро лишний вес,
вступила Латвия в ЕС.

* * *

Усталость, признаки тоски,
желанье жизни под вопросом...
Он, как Остап, остался с носом:
стакан да грязные носки.
А за окошком — благодать,
листва, цветы — макушка лета.
Нет в кассах в прошлое билета,
и с рук их тоже не достать.
И вот от бизнеса устав,
от ланчей, барбекю
и Люськи,
он — старый,
бывший новый русский
пришел к тому,
что был неправ.

* * *

Гуляешь ли по тропкам и аллеям,
вдыхаешь ли левкоев аромат,
не забывай, что это, брат, Расея —
всегда носи с собою автомат.
Входя в подъезд,
просунь на палке кепку —
изрешетят, так значит
Бог с тобой.
Вот дед: тянул не бабку — репку,
остался с пропитаньем
и живой.
Есть шанс еще
наткнуться на растяжку,
а посему понеже поступай:
немедля заведи себе милашку,
дорогу ей и место уступай.
Иди из дома и дыши смелее,
в сиденье дома толку, право, нет.
Цветами дышат темные аллеи...
Да не забудь надеть бронежилет.

* * *

О, сколько слов прольется в ту минуту,
когда задует холодом свечу,
когда качнется Питер почему-то,
когда я наконец-то замолчу.
При жизни бы услышать,
пидорасы!
А не тогда, когда уж,
черт бы с ним,
поставим кеды в угол,
склеим ласты
и дуба, поднатужившись, дадим.

* * *

Когда красивой надо
делать мину,
когда болячек злых набор достал,
пора себе
придумывать кончину,
неспешно режиссировать
финал.

* * *

Боец дивизии разбитой —
поэт, строитель, человек,
смеясь, с припрятанной поллитрой,
я вышел в XXI век
из века прошлого, больного,
скомкав ненужный календарь,
и обомлел, увидев снова
аптеку, улицу, фонарь...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Березка, пьяница, наличник
резной, уборная в дерьме...
Провинциальный пограничник
поставит в паспорт штемпсель мне.
Я возвращусь, склонивши выю,
и ненавидя, и любя.
Встречай, немытая Россия,
куда ж я денусь без тебя.

ВАРИАЦИИ ПО МЮНХГАУЗЕНУ

У босса российской компании
нет времени на созерцание.
И выбор меж львом с крокодилом
один лишь — веревка и мыло.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (Ж)

Посв. А. Н.

*Флобер признавался:
«Госпожа Бовари – это я».
(Из где-то прочитанного)*

Каждый наш,
он, конечно, чем-то болен.
То в одном месте, то в другом болит.
Вот и лечишь ее,
эту боль, как всегда, алкоголем,
печень там, дистонию, отит, простатит...
Мысль ночная одна,
да и та без подтекста.
Полуполный стакан —
криминальное чтиво —
мне спать не дает.
Черная женщина,
черная, с черным каре
и в черном глухом унисексе
рядом с койкой моей
Умой Турман встает.
Задрожишь поневоле, залепечешь:
— Как рад тебе, милая...
Но суров и конкретен
ее агрессивный настрой.
За грудки тряханет
с небольшой, но ухватистой силою:

— Хватит квасить,
не то плохо кончишь, родной...
И, пошарив, найдет,
и початую с водкой бутылку,
повернувшись, несет
опрокинуть и вылить под кран...
Все взорвется в груди
и летит, чтоб попасть по затылку
черной гостье моей,
ограниченный стакан...
После ночи такой
утро будто затрещина.
Сколько будет еще
мутных комнатных утр?..
На постели сижусь.
Никого. Ни бутылки, ни женщины.
Я один...
И разбитый компьютер.

* * *

Очередной этап кончался —
директор руководил Борис.
Недолго Глинка исполнялся,
был Александров зван на бис.

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Незнакомка стоит у Невы
(чьих кистей, о, Мадонна?), на Стрелке.
Взгляд ее устремлен через воды.
Она лицезрит Эрмитаж.
Рядом я.
И глаза у меня —
две наполненных чувством тарелки.
Но для вида смотрю
сквозь нее,
лицезря Петропавловский пляж.

ИЗ ПОЭМЫ «АЛЫЕ ТЕЛЕСА»

...Девичья нежность, гибкость стана,
все, чем ты можешь обладать, —
зачем они, когда ты пьяный,
когда такая благодать?
Зачем все эти ухищренья:
тряпье, помада, блеск румян?
Одна бутылочка портвейна —
и счастлив ты, поскольку пьян!
В ближайшем будущем, поверь мне,
как сталь сменила паруса,
замену в розовом портвейне
найдут девичьи телеса.

1984

* * *

Полжизни на учебу,
миг — любви,
 работе — куш,
 Морфею — долю,
себе, любимому, —
 несчастья и неволя.
Лови же миг,
 лови его, лови...

ИЗ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО

Старик седой, кряхтя,
сползает плавно с трона...
Картину вижу я,
вам вынося на суд,
где партия — как Лир,
лишившийся короны,
а комсомол при нем —
как юный верный шут.

* * *

Не вешать нос, гардемарины —
народ и партия едины!

КИР ВО ВРЕМЯ

Вечер. Старое кладбище в центре СПб.
Накрытый стол. Несколько отдыхающих
мужчин и женщин. Осень 1998 г.

Председатель
Совета директоров
(Поёт):

Когда проказница-Чума
полки ведет на нас сама
воздушно-капельных бактерий,
и в самый лучший из миров
любезно открывает двери,
что скажешь, кроме матюгов.
И ждем тюрьмы, и ждем сумы,
коров безумных в гости мы,
а также ящур, пневмонию,
куриный грипп и даже СПИД...
Их встретят буркалы косые
и еле разведенный спирт.
Что раньше? — водка, да футбол.
Зато теперь у нас дефолт.
Премьер с восхода до полудня
решался из последних сил,
но тусклые доселе будни
в веселый праздник превратил.
Куда податься, бизнесмен?
Ужасно время перемен.

У бездны мрачной, трезв немножко
(жена ждет мужа, мать — сына),
сидишь на крае, свесив ножки
и ждешь финального пинка.
Но все, что гибелью грозит,
всего лишь русского бодрит.
Наполним вновь свои рюмашки,
зальем глаза, опять нальем,
и на последние бумажки
хоть раз, но с чувством
отдохнем.
Итак, хвала тебе, дефолт.
Положим на премьеры болт.
Пускай мудрят масоны в ложах,
спирт лечит горе от ума.
Нас из седла
спихнуть не сможет
дефолт и прочая чума.

* * *

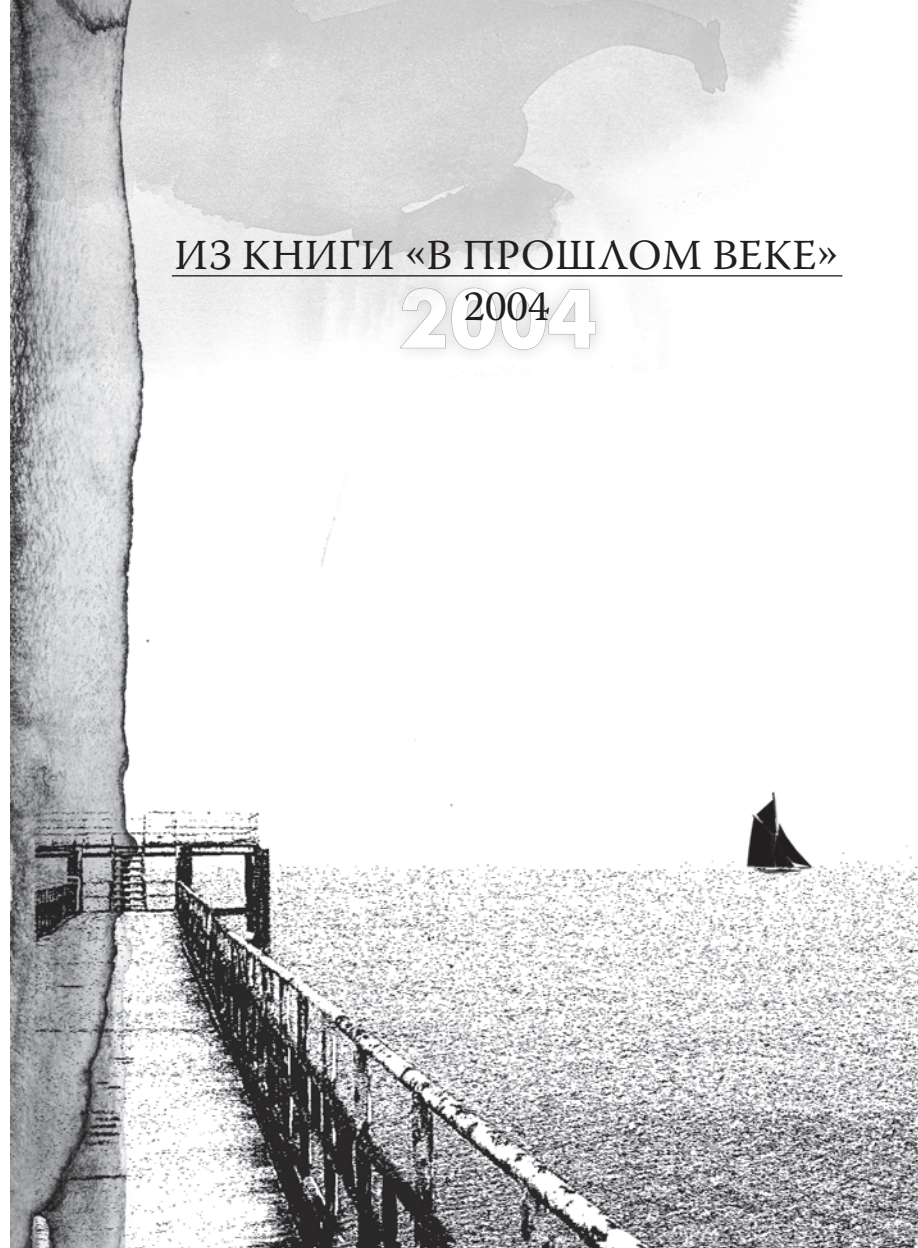
Уж возраст не тот. Успокоиться.
Уйти что ли в тихий запой.
А дрогнет вдруг что ниже пояса —
предаться разврату.
С женой.

* * *

Товарищ, верь,
придет она,
пора возврата из вояжа!
Душа воспрянет ото сна,
когда из списков экипажа
изымут наши имена!

ИЗ КНИГИ «В ПРОШЛОМ ВЕКЕ»

2004

* * *

Застой гуляет по России,
а мы — такие молодые...
Как вспомню я — хоть волком вой:
хочу обратно я — в застой.

ЛЕТНИЙ МИРАЖ

Как будто прошедшее лето.
Но нет, присмотрюсь, — не оно.
Остались лишь в памяти где-то
знакомые дверь и окно.
И стал отдаленней и строже
черемух раскидистых дым...
А просто мы были моложе.
И мир был тогда молодым.

ПРИЗНАНИЕ

На упругое тело,
легко, нежен и ал,
сарафан свой надела,
чтоб стихи ей писал.
А на белые ножки —
каблочки — нет звончей!
Чтоб забыл все дорожки
кроме этой, что к ней.
Это шелк или кудри
по открытым плечам? —
Чтобы снились мне бури
по ночам, по ночам.
А в глазах что за сила!
Поглядит — все вверх дном.
Чтобы кровь заходила
ходуном, ходуном.
Через море без края,
через степи без дней,
даже имя не зная,
шел паломником к ней.
Чтоб почувствовать кожей
крови бурной напасть,
чтоб в пыли придорожной
на колени упасть.

* * *

А ты такая же, как прежде —
гибка, прекрасна и юна.
Стоишь, как памятник надежде,
и сводишь мальчиков с ума.
А у ворот закрытых рая,
с трудом спокойствие храня,
шепчу я дерзко:
«Дорогая,
прости, я так люблю тебя».

ДАРСТВЕННАЯ

Сбылось проклятое пророчество:
ты говорила мне, смеясь,
что без тебя я в одиночестве
останусь, как средь смердов князь.
Ты, уходя, махнула царственно
блеснувшей золотом рукой,
и я один остался
с дарственной,
на стол мне брошенной тобой.
Там было сказано:
«Сереженька,
я оставляю в память Вам
все то, что нам отмерил боженька —
любовь в тон алым парусам.
Еще возьмите одиночество,
тоску, сомненья про запас,
все то, чего так страстно хочется.
Простите. Любящая Вас...»

* * *

Ты напрасно так смотришь холодно
и перечишь моим словам.
Из свинца не получишь золота —
ты уступишь меня ветрам.
И услышишь в полночь беззвездную
на распутье, где тьма — ни зги,
как, вонзившись во мглу морозную,
затишают мои шаги.

* * *

Как хорошо,
что есть на этом свете
пленительная радость вечных слов,
весенние мечты,
цветы и дети,
и женщины, достойные стихов...

БАЛЛАДА ОБ ОПРОМЕТЧИВОМ БРАКЕ

Он был мечтатель темноглазый.
Она девицею была.
Он ей в любви признался сразу:
она с ума его свела.
Не обещая слишком много,
он пожениться предложил.
Но тут приехал негр из Тóго
и все по-своему решил...
Мечтатель с крохотной зарплатой
любил промозглый Ленинград.
А в Тóге той — влиянье Штатов,
бананы, виски, виноград...
Она экзотики хотела
и все ненашенское чла,
хотя и был мечтатель белым,
она тогийца предпочла.
Она вещички собирала
и письма друга в кухне жгла.
Потом «прости» ему сказала
и к негру черному ушла.
Ее умчал воздушный лайнер,
унес любимые уста,
и, страшно женщин проклиная,
мечтатель бросился с моста.
Он утонул.
Она узнала
нескоро —

мавр письма рвал.
Узнав, опять «прости» сказала,
втыкая в ниггера кинжал.
Она рыдала долго в спальне
(роскошной, с видом на реку).
Затем пошла к высокой пальме
и удавилась на суку.

* * *

Старая любовница — старая подруга,
позвоню — откликнется,
не обидит друга.
Дети разбежались,
муж давно с другой.
Как приятно чаю
нам попить с тобой.
Вспомнить институты,
вспомнить вечера,
вспомнить все, что было
будто бы вчера.
Нас разносит время,
судьбы города,
а чаёк сближает, молодит тебя.
Реже, реже встречи —
суета суёт...
И последний вечер,
и ночной полет.
Перед Богом встанем,
выложим грехи
и воспоминанья —
прозу и стихи.

* * *

Лето прошло.
Медленно
листья летят
медные.
И на листву
бедную
солнце глядит
бледное.

* * *

...и лишь в опавших листьях сентября
я понял то,
в чем сам не признавался.
Когда с тобою в мае расставался —
я испугался, девочка, тебя.

* * *

Как скучно ведать наперед,
чем слово наше отзовется,
плевать в прохладный ствол колодца —
никто напиться не придет.
Как скучно, встретившись в ночи,
услышать шепот уст горячих,
и, холодом добившись плача,
ей загасить огонь свечи.
Как скучно все на свете знать,
орешек знаний вскрыв дубиной,
и, напугавшись, ночью длинной
пытаться створки запаять.
Как скучно... Выпито вино,
а вместе с ним миллион терзаний.
— Мне скушно, бес. Даруй незнание
иль молодость. Что все равно.

* * *

За окнами день, но похожий на вечер.
Погода такая — снега недалёки.
Как сладки с тобою последние встречи,
последние встречи, последние строки...
Но жизни противны тоскливые песни,
в их строчках — заметь! —
столько фальши и вздора.
Зачем ты спешишь,
приближенье болезни,
когда далеко до конца коридора?
Любовь и работа —
вот жизни основа,
все прочее — чушь, ерундистика, бредни.
А жить каждый день надо так,
как последний.
И только тогда, если серп перережет
нить жизни твоей
(и чем позже — тем лучше),
раздастся не треск,
не скрипенье, не скрежет —
высокое, слышное миру
созвучье...

ДЕВЯНОСТЫЕ

Поубавилось рядом народа,
нестерпимее солнца свет.
Сумасшедшие топкие годы —
кто-то выбрался, кто-то нет.
Не справляясь с больной одышкой
и усталостью навсегда,
я смотрю, как баран на манишку,
на лихие эти года.
Если б знать, что тебя ожидает!
Но несет все быстрее, быстрее...
Слишком много вокруг негодяев,
слишком мало вокруг друзей.
Не успеть ни подумать, ни взвесить,
ни прогнать подступивший страх...
Плачут ангелы, пляшут бесы
в ослепленных тоской глазах.
Все мечтают про тихую гавань,
где березки, ручей, трава...
Не прервать одиночное плаванье.
Рубль — вход, ну а выход — два.

* * *

Гой ты, Русь моя родная,
что потупила глаза?
Где же рать твоя святая —
напугала рать гроза?
Хлеба нет и нет тушенки,
грустно вилке и ножу.
В пустырях незавершенки,
недовольный, я брожу.
По церквям поют уныло,
образа торчат в чаду.
Лихо машет поп кадилом:
— Верь, не то сгоришь в аду.
Ладно, верю я в мессию
и на совесть, не за страх,
верю в новую Россию
и твержу в очередях:
— Если грянет гром набата,
не сменю на Штаты Русь.
Я скажу: «Не надо Штатов,
лучше в Питере загнись!»

* * *

Когда подходит возраст сожаленья,
не сожалею о прожитых годах.
Встречая утром новый «день варенья»,
гони печаль, безрадостность и страх.
Что молодость? —
тревоги, неизвестность,
безденежье,
и где-то вдалеке
мечты собою поразить окрестность,
да банка пива в утренней руке.
У нас же — всё. И это всё — сегодня.
Былое отпусти, не береги,
оно твое — все то, что после полдня.
И лишь рассвет познания позади.

ПЕРВАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Надежду, стихи и пустой кошелек
впервые в журнал я один приволок.

Изрёк мне редактор — маститый пиит:
— Награда певцу
 в том, что миру творит...
И смолк,
 величав, дальновиден и стар.

Отказ получил я,
а он гонорар.

* * *

Меня измучили дороги.
Но сам избрал в один из дней
пристанищ временных пороги
и лед казенных простыней,
аэропортные тревоги,
колес вагонных перестук...
Меня измучили дороги,
их сеть, замкнувшаяся в круг.

* * *

Круша, ломая и калеча,
бой завершает век-предтеча,
шеренги наши прореда.
Иных уж нет, а те — далече.
Все меньше встреч дано судьбой,
нас разнесло взрывной волной.
Не успеваешь отдышаться
и снова, снова. Снова — бой.
Но не привыкли мы сдаваться,
нам ночь да день бы продержаться.
Спасенья мы себе не ждем,
да и подмоги не дожидаться.
Есть высший суд — он здесь и там.
Дай счастья нашим малышам.
Они придут к кургану славы —
салют! — седым кибальчишам.

* * *

Я ухожу в бездонный век —
корявый хрупкий человек.
А позади — вагон ошибок,
смешная нервная возня,
набор рычаний и улыбок,
междусобойная грызня,
брехня друзей на кухне пьяной —
исток бессмысленных затей,
и жирный крест на глупых планах
в глазах все видящих детей.
Я ухожу.
Иному веку
досталось счастье обладать
огрызком жалким человека,
оставившим в двадцатом стать.
Остались там косые ливни,
восторгов полная бадья,
мои попутчики по жизни
и терпкий привкус бытия.
А впереди...
Невечен фатум
из нервов порванных и жил.
Но если я любил в двадцатом,
то значит,
я в двадцатом — жил.

* * *

Ушел — и душа его где-то.
Ушедший уносит с собой
последний вопрос без ответа.
И шанс получить — нулевой.
Ушедший добрался до сути,
но все ж изменить не дано
ни строчки, ни буквы в маршруте,
что было пройти суждено.
Ушел — и оставил ребенка,
жену, чемодан, саквояж,
корзину, картину, картонку
и прочий ненужный багаж.
Последние провода кратки
в сравнении с жизнью земной.
Ушедший — сплошная загадка
для тех, кто остался живой.
Наверное, жизнь — это проба,
пролог, чтобы был ты готов.
Там выдадут новую робу,
наверное, светлых тонов.
А может, не создано рая
и холмик с крестом — эпилог,
напрасно надежды питаешь,
что нету конца у дорог.
Луною насыщены ночи,
землей — человеческий жмых,
ушедший питает лишь почву
да память пока что живых.

ИЗ КНИГИ «ПРИГОРОД»

2008

* * *

Оттремели июльские грозы,
 журавли собираются в клин,
 снова желтые пряди березы
 да багровые язвы рябин.
 Ближний пригород — та же деревня,
 станционный знакомый пейзаж,
 магазин ископаемо древний
 и туземцев запойный кураж.
 Та же все нищета и неволя
 под плитою свинцовой небес.
 Но за дальнею улицей — поле,
 а за полем — нетронутый лес,
 где народец лесной веселится
 и, конечно, навалом грибов,
 а на озере плещет плотвица,
 удирая от щучьих зубов.
 Вот мой дом — на краю Ойкумены,
 слева — воля, направо — сосед,
 деревянные, чистые стены
 и торшера негаснувший свет.
 Деревенская, липкая скука,
 палисадов кривые столбы...
 Одиночество — сладкая мука
 для привыкшего к шуму толпы.

...Утром встану, как водится, в восемь,
 как забрезжит. По тропочки шву
 через поле рвану я
 и в осень
 окунусь — и опять оживу.

* * *

Садоводство — это не Анталья,
а Ленобласть все ж — не Тенериф,
но скажу смущенно вам:
— Наталья,
дайте слово молвить мне,
на талию
вам свою ладошку положив.
Вечер темный, звезды в небе ясные.
В тропиках все ярче и теплей,
но и здесь, смотри, — планета красная —
Марс, Денеб — звезда бесстрастная.
А еще есть Рак и Водолей.
Средь березок белых мы не парии.
Погляди на бездну, не робей.
В северном прохладном полушарии
мы с тобой — потомки древних ариев,
нам звезда Полярная родней.
На Багамах жарко, влажно, муторно.
Лучше уж на льдине одному,
иль, прижавшись на тахте полуторной,
согревать друг дружку в дрожи утренней...
Дай тебя покрепче обниму.

* * *

Поздний вечер. Попрятались птицы.
Над поселком стемнело всерьез.
Ветер стих. Теплый воздух струится,
как коктейль из жасмина и роз.
Этот вечер, покой он мне даст ли,
или снова попрёт дребедень?
Выбор сделан, сомненья погасли,
будто летний затянутый день.
Тает серый туман безнадеги,
мельтешенье людей и машин.
Никого на пустынной дороге.
— Слава Богу, я снова один.

* * *

Черная клякса пруда под луной.
Ночь наступила — пора на покой.
Ночь. Одиночество. Мрак. Пустота.
Маска страдания под маской шута.
Рядом уютный приветливый дом.
Слезы в глазах, спазм в груди, в горле ком.
В черной воде лунный профиль дрожит.
Рядом колпак с бубенцами лежит.

* * *

У дверей ботинки,
жаба на тропинке,
фонари как плошки,
цветик на окошке,
огонек в печурке,
в баночке окурки,
свет небесный тает.
Дача засыпает.

* * *

Из ракушки смешные рожки
торчат немножко набекрень —
ползет улитка по дорожке.
Сегодня самый длинный день.
Хоть не спеша, а чешет мимо.
Так лето, одолевши взлет,
ползком, но все ж неотвратимо,
едва начавшись, уползет.
Июнь добавки не попросит,
от полдня бонуса не жди —
все отцветет, отплодоносит,
зарядят серые дожди,
листва падет, похолодает,
ничем не сможешь ты помочь —
снежинки в небе залетают
и станет самой длинной — ночь.
Тягучи дни, но время — прытко,
темнеет незаметно высь.
Ползи помедленней улитка,
не торопись, не торопись...

* * *

Дровишки превратятся в пепел,
костер печально догорит,
и тонкой струйкой,
чист и светел,
янтарный уголёк залит.

* * *

Елки да березы,
над трубой дымок,
комары, стрекозы,
в гриле огонек.
Сколько хочешь чуши
в болтовне — изволь:
как цветет чубушник,
йошта, каприфоль,
как компостить почву
и в какой момент,
кто приедет в гости
в этот уикенд,
как сварить крапиву,
где почище пляж,
чем их сорт красивей,
чем надежней наш,
как рецепт соседа
претворить в отвар...
Дачные беседы,
медный самовар.
...Душит галстук ворот,
тачка у ворот,
час езды — и Город.
Притаился. Ждет.

* * *

Пожелтел обобранный крыжовник,
облетели листья с тополей.
С дачи возвратившийся художник
окунулся в облако людей,
где сам воздух гнилостен и потен,
где царит урбанодискомфорт,
где размах эпических полотен
забивает скромный натюрморт.
Осень, заколоченные дачи,
дальше — снег, бессмысленные сны.
А потом весна? — Да чушь собачья!
Да не будет никакой весны.

* * *

Да, конечно же, плохо,
неприкаянно, скверно...
Май, когда за окошком
зарядил снегопад,
вспоминать бесполезно.
Ты признайся со вздохом —
к той, единственной в мире,
нет дороги назад.

* * *

В архиве памяти, как папку
с названием «Первая любовь»,
все дальше движет по порядку
идущая из завтра новь.
За грудой новых впечатлений
ее едва ли ты найдешь.
А и найдешь, так, без сомнений,
уж вряд ли что-нибудь поймешь.
Как осыпается рябина,
редеют дни, черты лица,
пока последние картины
не изотрутся до конца.

* * *

Природа придумала мудро,
 что после заката — рассвет,
 что ночь завершается утром,
 что солнце дарует нам свет,
 а после весны будет лето.
 Его провожать нелегко,
 но все же люблю я при этом
 момент завершенья его.
 Земля плодоносит
 под осень,
 когда, исчезая вдали,
 безоблачность лета уносят,
 тоскливо крича,
 журавли.

* * *

Лекарствами депрессию не лечат.
 Помочь не могут водка и друзья...
 Дом у дороги. Теплый летний вечер,
 визг тормозов и пенье соловья.
 Поток машин, стремящихся куда-то,
 где каждой твари дано по судьбе.
 Деревьев кроны в золоте заката
 и флюгер-кот, застывший на трубе.
 В кустах свистит, щебечет и кукует.
 Курлыкает пернатый сукин сын
 о том же все — что он один тоскует,
 чирикает — что глохнет шум машин.
 Смеркается. В листе забарабанит
 хохлатый дятел. Стихнет все — и вдруг
 луны медальный диск взойдет над баней,
 русалка влезет, матерясь, на сук.
 Такого не увидишь в Интернете...
 В поленьях пляшет желтый огонек.
 К костру из перелеска выйдет йети
 и молча сядет рядом на пенек.

...Бессмысленны проекты и итоги.
 Земля проста, прекрасна и пуста.
 Все лечат время, домик у дороги
 и птичье пенье ночью у костра.

* * *

Беспредельность желаний и множеств,
беззастенчивость поз и страстей.
Если грешен я все-таки, Боже,
накажи меня, только скорей.
Если хочешь, чтоб добрые вести
обо мне нес безоблачный стих,
то зачем про тычинку и пестик
информировал агнцев своих.
И хоть мы далеко не подростки
и жирами оделася стать,
иногда окаянный отросток
все же надо куда-то девать,
и особенно в белые ночи,
когда тьма отступает к нулю...
Умерщвлял. Но пока что не очень.
Видно, жизнь почему-то люблю.

* * *

Божий промысел неведом,
смутен, неисповедим.
Ты пошла за мною следом,
а могла бы за другим.
Я поодаль брел, сутулый,
глядя вверх, грызя стило...
Что тебя за мной толкнуло,
потщило, повело?
Этот мир и так был светел.
В чем тогда вопрос: лавэ,
божий промысел иль ветер
в юной глупой голове?
Впрочем, все это не ново.
Непонятки только днем.
Ночью с тайн летят покровы
и решается бином.
Пусть видок твой бесшабашен,
безмятежен — улови:
видно, все ж в дороге страшно
без мужчины, без любви.
Хоть мозги тебе не пудрю
(седину не спрячешь днем),
ночью спишь, раскинув кудри,
в грудь мне вжавшись, голышом.

* * *

Бытие наше хрупко,
путь из полымя в лёд.
Утлой жизни скорлупка
вдаль по датам плывет.

В бесконечном походе,
смерть безносую зля,
миг за мигом проходят
на планете Земля.

...Шепчешь, пав на колени
и надежду тая:
— Дай еще мне мгновенье,
Боже, воля Твоя...

6 ИЮЛЯ

На большом погосте пусто.
Край земли.
Снегом тропки, словно дустом,
замели.
И в глаза снежок посыпал.
Соль — до — ре...
Камень, фото, буквы, цифры
и тире.
Положу цветок к могиле —
все дела.
Лена, Лена, ты любила,
ты была.

* * *

Под рябиновым кустом,
если все же грянет гром,
отведите мне последний
небольшой
уютный дом
на горе,
 горе,
 горе,
там, где в снежном январе
хорошо нестись на лыжах...
Даты две, одно тире.

* * *

Пройдя сквозь временное сито,
я так скажу про божий дар:
харизматичность — это битость
с умением держать удар.

* * *

«Нет имени тебе, мой дальний».

А.Блок

Я странник.
Пронзаю пространство и время,
спеша на работу, исполненный рвения.
Избранник
и черточка между двух чисел,
спортсмен,
что свое достижение превысил,
создатель,
поскольку под радостным кровом
взгляд девы зажег
ослепительным словом,
дикарь,
отыскавший костер, еще тлевший,
но угли раздуть до огня
не сумевший.
Я все и ничто,
я правитель и данник,
поэт, и могильщик, и узник...
Я — странник.

* * *

Где-то в море ходят корабли
далеко-далёко от земли.
Помашу им с берега — пока! —
на тахте валяя дурака.
Сколько можно по морю ходить,
а когда вершить, когда любить?
И зевок знаменьем осеня,
я скажу — ходите. Без меня.

* * *

Налево — Запад, направо — Восток, и вместе их не свести.
А посредине двуглавый орел, как на толчке трансвестит.
Налево — Кальвин, папа и Рим, направо — дао и дзен,
а есть еще юг, мусульманский мальстрем,
с бескрайним множеством тем.
Налево пойдешь, направо иль вниз — шкуры оставишь клочок...
Сиди на спице, верти головой, как Золотой петушок.

ОПАЛЬНОМУ ОЛИГАРХУ

Он плохо вел себя. Делился не со всеми.
Он с чукчей рожь не жал, весною бросив семя.
Не трогали его футбольные заботы,
не строил корабли прогулочного флота,
с женой (!!) своею (!!) спал (!!) в своей (!!) большой постели,
он спорт не развивал ни здесь, ни в Куршевеле,
посаженный на нефть, он не ушел в запой.
Еврей, он посягнуть решился на святое:
он власть хотел купить-продать и Русь обрушить...
Он виноват уж тем, что власть хотела кушать.

* * *

Второй уж век — все та ж мистерия.
Россия — Моцарт. Только жаль,
что обреченная империя
никак не сдохнет. Не пора ль?
Свой быстрый разум мы проели.
Но, может, все-таки, как знать,
хотя бы собственных Сальери
российская земля рождать?

ПАМЯТИ А. ГАЙДАРА

Школа. Тимуровцы. Снежные крепости.
Тайны. И книжки читаешь — не спишь.
Это уж позже там — жизни нелепости —
Квакин, Фигура, десятник, Плохиш...
Вырос зачем? Оставался бы мальчиком.
На хрен сдались пируэты и па?
Только назначат меня барабанщиком,
как об колено бросает судьба.
Брось, но не жди ретирады мучительной.
Выбрал покой бы, но в памяти вдруг
встанет плюющий под ноги презрительно
мне
перед смертью
плененный Чубук.

ЮНОЙ ПОРОСЛИ

«Невежество есть преступление».

Гаутама Будда

Где лень души — там нет раскаянья,
читать и думать — трата сил.
Косноязычьем от отчаянья
Господь ленивых наградил.
Вглядись наверх — там синь прозрачная
и певчих птиц лихой полет,
а здесь на дойку стадо жвачное
мыча, с бубенчиком бредет...

* * *

Душа трудилась и трудилась...
Не зря душа моя — правша.
Об стенку билась и добилась,
что стала мускулом — душа.

* * *

Как песок истекает из рук,
время мерно уходит — и кода.
Вот опять завершается круг,
круг событий, какие-то годы.
Бюст героя в металле отлит,
миг застыл в ожиданье звоночка:
то ли новый виток предстоит,
то ли это финальная точка.
Сколько было витков — и не счесть,
да и верить ли созданным бредням?
Каждый год укорачивал спесь,
потому что казался последним.
Но в душе беспокойно горит
уголек непотухший работы,
прошлый год отомрет, отболит —
и отпустит на новые взлеты.

* * *

В чем стимул жизни, двигатель прогресса,
когда тебе за... (очень много) аж?
Не доллары, рубли и песо —
ехидство, любопытство и кураж.

* * *

Какая все-таки напасть
Всепоглощающая страсть.

* * *

Опавший лепесток жасмина
скользнул по женскому плечу —
и ощутил я, что лечу
без крыльев, сопел и бензина...

* * *

Он глядел на золото костра.
Ночь спустилась теплая и злая,
и плясала в отблесках шальная
тень в росе намокшего куста.
Оставалось пить и горевать.
Впрочем, все нормально, без обмана —
на груди утеса-великана
тучка не осталась ночевать.

* * *

У памяти безмерна власть —
и, умирая, помнить буду
и обжигающую страсть,
и в кровь искусанные губы,
пьянящий морок ночника,
безумной ночи наваждение,
и — резкий холод отчужденья,
мертвящий холод ледника —
и одиночества спасенье.

* * *

Вокзал. Путей стальных оковы.
Тумана утреннего муть.
И электричка на Сосново —
за зиму подзабытый путь.
Платформа. Лужи на асфальте.
Парок, крутящийся у ртов.
Но воробей, адепт Вивальди,
чирикать целый день готов.
Ты вместе с ним апрель встречаешь,
и беспокоясь, дурачок,
осенним сердцем ощущаешь
весенний радостный толчок.

* * *

В окошке огонь до рассвета,
хоть темен и холоден дом.
Слежу за твоим силуэтом
и душу лечу коньяком.
Мечтаешь. Ах, девичьи думы!
Да где же он, где же герой,
красивый, богатый и умный,
при этом еще — молодой.
В окошке огонь до рассвета.
Не спишь. Я-то знаю, не спишь.
Подходит тридцатое лето
твое, бессердечная.
Ишь,
как рвенье твое терпеливо,
как вера крепка в эту ложь,
что ждешь, как Ассоль у залива,
хоть замуж совсем невтерпеж.
Я мог бы свершить, скажем, подвиг,
да только вопрос — для кого?
Ведь я для тебя — бедный Йорик,
точнее, останки его.
В окошке огонь до рассвета,
уж начал свой день ЖКХ,
а ты всё сидишь в Интернете,
да ищешь себе жениха.

* * *

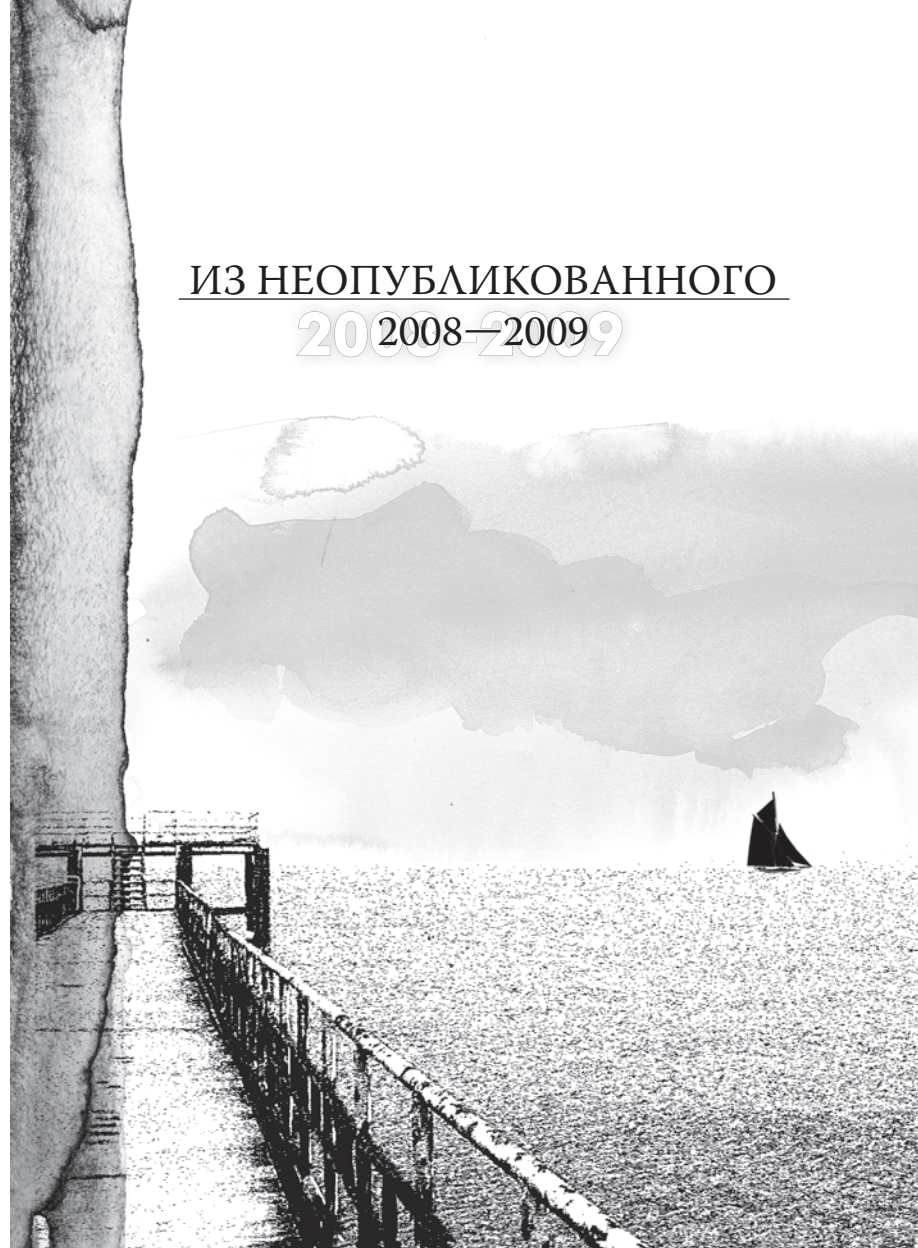
Это отнюдь не пророчество,
осень заполнила кровь.
Третья жена — одиночество
лучше, чем просто любовь.

* * *

Черная туча закрыла полнеба —
рухнув, исчез обжигающий зной.
Пес, продремавший с утра до обеда,
вылез из будки, тряся головой.
В кресле тенистом в саду под жасмином
снова листаю «Потерянный рай»
и, до дождя чтоб успеть, для камина
шаркаю зло за дровами в сарай.
Нежной рукою прикрывши окошко,
взглядом раскосым по туче скользнув,
женщина в кухне готовит окрошку,
в квас поварешку свою окунув.
Найден ответ у последней задачи.
Вот и награда — навечно со мной
вечный ли дом иль извечная дача...
Белая мантия, красный подбой.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

2008—2009

АНТИБИТАЗ

Мы были молоды, и Евы
 дурили нас, но, путь начав,
 мы знали точно: Beatles — forever*!
 И верили в can't buy me love**.
 Надеялись, что время ложно,
 и кто-то нас возьмет под щит,
 и защитит в прозрениях сложных,
 и непременно пощадит.
 И, без сомненья, беспорочны
 подруги наши. И одно
 мы знали абсолютно точно:
 любовь! Все прочее — говно.
 Но годы шли, и девы те же,
 кого мы радостно е..и,
 любовь, и веру, и надежду
 переводили на рубли.
 Мы незаметно изменились.
 Нас незаметно изменив,
 любимые преобразились,
 мир наших грез преобразив.
 И нас помалу научили
 науке брани за лавэ.
 Усвоив, мы их love купили
 за шмотки, тачки, СКВ...

Блажен, кто холодок за ворот
 воспринимает до поры,
 кто постепенно жизни холод
 вплетает в правила игры.
 Промышленность, животноводство,
 любовный пыл... Карман готовь.
 Любовь, конечно, продается.
 Не секс, а именно любовь.
 Мой друг, forever тити-мити!
 Сплелись в них и добро и зло.
 Can't buy? Да что вы говорите?
 Легко! Да было бы бабло!

* Навсегда (англ.).

** Любовь нельзя купить (англ.) — программная заглавная строчка битлов.

* * *

Жоффрей Пейрак угрюм и седовлас,
заумен и нога хромая.
Какая гадость — рыба заливная
у Анжелики вышла в этот раз.
Мальчишка-бард, незванный москвит,
любовь поет. Ей радостно и томно,
ей весело.
Его аккордов стоны
вздывают грудь, и кровь быстрее бежит.
Вот так бывает — сердце застучит,
а взгляд — один, а фразы две — случайны.
Всё против. И не спрячешь тайны.
Любовь в атаке, логика молчит.
Помыться, что ли, в шапке и пальто?
Поможет вряд ли.
Миг, как жизнь, проигран.
Кто нас толкает к этим глупым играм?
И дальше что?
А дальше все не то,
что раньше было.
В прошлое, в архив
три года пролетевших предыдущих.
Пришла пора не пишущих — поющих.
Блажен, кто незатейлив и соплив.
Что ж. Пусть теперь внимает соловью
и кормит парня рыбой заливною.
Потрахайтесь же, дети!

Черт с тобою:
Стакан наполню, выпью и налью.
Себе слуга, и друг, и господин.
Лишь Бог на небе, а вокруг — пустыня.
И ангелик, что перышек в перине.
Навалом.
А Жоффрей — один.

* * *

Берлога съемная — каморка папы Карло.
Сквозняк поет то тенор, то басы.
В углу горой армянской стеклотара.
Газеты, стол, ошметки колбасы...
А за холстом — загадочная дверца,
а на холсте огонь в печи трещит,
но бедное разорванное сердце
не в такт эпохе и любви стучит.
И где-то за горами, за долами
дом крошечный у леса на краю.
Мальвина с голубыми волосами
пьет кофе в этом кукольном раю.
И в общем-то, конечно, бьет баклуши
и ждет добычу, глядя на порог.
И пудель Артемон лежит, свернувшись,
как я лежал у этих самых ног.
Но все прошло, покрылось липкой тиной.
А ключик золотой при мне пока.
И я вам не Пьеро, а Буратино.
Адье, мадам.
Ищите дурака.

* * *

И юность прошла.
Настала текучка.
И мачо крутым
от Твери до Небраски
пора уходить
от разовой случки,
пора приходить
к плановой вязке.

* * *

Олигархом вдруг стану когда-то:
поиграем в такую игру.
Улыбнись мне, ведь скоро зарплата.
Разве я о любви своей вру?
Подарю тебе яхту и лайнер,
солнце Ниццы и лондонский смог.
И большим адронным коллайдером
проколю мой любимый пупок.
Улыбнись в серый полдень осенний.
Что же краше — сверканье пиастр
или взятый в метро на последние
мой букетик из розовых астр?

* * *

Дух первичен, а не материя.
Ведь любовь — большое доверие.
Ну а если нету доверия,
то тогда первична материя.

* * *

Из ряда незатейливых забав,
что в фаворе у дам и кавалеров,
среди араукарий и агав,
под звон виолончелей и фужеров
люблю одну:
в кармической глуши,
коня в гараж загнав и сбросив кивер,
промилле не считая, от души
хорошим коньяком заполнить ливер.

* * *

Можно жизни лишить
ядом, пулей иль ножиком.
Но не спутаешь нить
жизни, ранее прожитой.

* * *

Я как Том — и навеки
ей любви дал обет.
(Что мне делать без Бекки
с кладом звонких монет?)

* * *

Копна волос и пара стройных ног.
Доспехи сняв,
спешишь к Прекрасной Даме,
с боями пробиваясь на порог,
торя тропинку к ложу лепестками.
Но повернешься — сразу в спину нож...
Чуть заживет — цель новую наметишь.
Ведь, если не искать, то не найдешь,
не выходить на встречу — и не встретишь.

* * *

Осенний день. Туман над перелеском.
Так надоело без потехи пить.
То ль к жопе Анны приколоть подвески,
то ль парочку гвардейцев замочить.

* * *

Средь шумной тусовки
мелькнули кроссовки
на длинных девичьих
джинсовых ногах.
А выше у Инги
виднелися стринги,
таинственно вниз
уходящие в пах.
И парочка попок,
и плоский животик
с проколотым пирсингом
нежным пупком,
и дерзко торчащий
задиристый топик,
и губки с помадным
лихим ободком.
Средь шумной тусовки
с тяжелой головкой
я встретил вас, Инга —
и нету тоски.
И сердце забилося,
и сердце разбилося,
сердечко мое,
на большие куски.

* * *

У графа Толстого
доилась корова.
Корова давала
на стол молока.
Граф пил молоко
и рождалось слово —
такое, что прямо
для всех — на века.
Так слава корове,
что сено жевала,
что граф заготовил
своею рукой.
Пииты, закройте
в смущеньи хлеба,ла,
и водку с портвейном
и прочим — долой!

* * *

Развод, раздел и расставанье.
Смешались истина и ложь,
всплыл пафос про мильон терзаний
и чушь про внутреннюю дрожь.
Такие вот смешные мультки.
Нас ждут дожди.
Тебя — июльский.
Меня — осенний скучный дождь.

* * *

Андреевский флаг.
Мы задолго до Фрейда
смогли подсознанием понять:
российскому фаллосу — надобно реять!
Спешили.
Но первую букву на рею
с простынкой успели поднять!

* * *

На стене пришпиленное фото,
старое, как мир наш до потопа.
«ФЭДом», «Сменой» или же «ЛОМО»
щелкнутое в годы молодые.
Ты на нем, как ведьмочка из «Вия» —
страшно симпатичная.

Назло
времени
ржавеющая память
отметает вирусы и спамы.
Мой весенний незабвенный хит!
Все наяды, пери, одалиски
отлетели.
Ты — на жестком диске.
Он тебя, любимая, хранит.

ПАМЯТНИК

День, когда я уйду,
 будет пасмурен.
 Ночью
 с неба будет идти
 то ли дождь, то ли снег.
 Петропавловки шпиль,
 так же остро заточенный,
 на свинце облаков
 процарапает след.
 Петербург равнодушный,
 друзья изумленные,
 дань отдавшие с горя
 пьянящей лозе,
 ненадолго на сером узрят
 небосклоне
 накарябанный ангелом
 вензель СЗ.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Саширина. Моря и берега. 5

Из книги «Корабль». 1993

Детство	8
«Ухожу я опять...»	9
Арктика. Начало навигации	10
Океанские будни	11
Крик в океане	12
Сентябрь	14
Осень в Токсовском парке	15
Океан и корабль	16
Новый год	17
«По белому свету, по черному свету...»	18
Зеро	19
Пророк	20
Звено	21
«Спутав намертво быть и небыль...»	22
Отражение дня	23
«Сверхмарафон — скачок — и... Нечто!...»	24
«Одолевши с трудом полпути...»	25
Мое поколение	26

Из книги «Корабль-2». 1995

Булгаков. 1934 год.	28
Недописанная автобиография	29
Вера	30
«Расхристанное облако летело...»	31
Нить Ариадны	32
Ржавые гвозди	33
«Безлунна ночь, а день был светел...»	34
Не жди	35

На подходе к Кубе.	36
«Когда к тебе подступит грусть...»	37
«Одному в тишине немыслимо...»	38
«Пусть кричат со сцены и с экрана...»	39
После вахты	40
«Приснилось мне, что где-то бродим...»	41
«В странном мире смешных фантазий...»	42
«Две розы алых на окошке...»	43
Ревность	44
«В дальний край отпущена до ночи...»	45
«...Последний день. Бровей излучины...»	46
«За окном шуршит аллея...»	47
«Когда беда подступает к груди...»	48
«Мрак бездонный...»	49
«Ночь морозная. Дорога...»	50
Метель	51
«Корабли уплывают...»	52
«Летящее утро...»	53
«Океан, как колыбель любви...»	54
Через датские проливы	55
«То над мачтой качаются звезды...»	56
Кавказ.	57
«Вновь в сердце нищем гул капли...»	58
«Постель, подобная пустыне...»	59
«Жду тебя — и ты придешь...»	60
<i>Из цикла «Знаки Зодиака»</i>	
Лев	61
Стрелец. Март 91 года.	63
Телец.	64
Рыбы.	66
«Я закон изучил непослушного сердца...»	68
Июнь.	69
Литейный проспект	70
«Июль сбежал...»	71

«Желтые листья...»	72
Искра божья.	73
Вокруг смеха	74
«Не любящих Орфея...»	76
Декабрьский триптих	77
«В наш глупый век, бездарный и позорный...»	79
«Нам на всех бы сгодился...»	80
Возвращение	81
«В заповедье — ни баб, ни буфета...»	82
«Прощай...»	83

Из книги «Хмелёвка». 1996

«Я пишу не перышком гусиным...»	86
Фирменный поезд «Юность»	87
«У медведя жена — медведица...»	88
Признание любимой. <i>Триптих</i>	89
«На перси дивныя крестьянки...»	90
«Нет у народа ни шиша...»	90
«Окончив, как обычно, в лапу...»	91
«Пришла перестройка...»	91
Сход (отрывок из поэмы)	92
«Масоны топят флот расейский...»	95
«Когда кричит строитель главный...»	95
«Утихнут прощальные крики...»	96
«Как горько сознавать...»	97
«Залил стакан...»	97
«Манит жизнь...»	97
«Плохо преподавали...»	98
«Может быть, пора утомониться...»	99
Из поэмы «Янтарь Ставрополя»	100

Из книги «Хмелёвка-2». 2002

«Лет двадцать пройдет...»	104
«Флаг поднимается...»	105
«Богаты российские недра...»	106

«Весна тяжелая, похмельная...»	107
«Весною влюбляются: Бронский...»	108
«Как Одиссей...»	109
«Я ухожу, нарушив твой покой...»	110
Формула любви	111
«Флаг Андреевский на рее...»	112
«Встает заря...»	113
«Все уже украдено до нас...»	114
Коллективная эпитафия	115
«Сначала был энтузиазм...»	116
«Не жалею, не зову...»	116
«Никто не ждал...»	117
«Вот вывод...»	117
«Стоят два киллера...»	118
«Труд завершив...»	119
«Искал, где буду я...»	119
«Муж — голова...»	120
Кинжал	120

Из книги «Хмельёвка-3». 2006

«Маратель, старатель, искусник...»	122
Испытания РК «Татарстан»	123
«Враг одурачен и запутан...»	123
Питерские	124
«Приют убогого чухонца...»	124
Совет военмору	125
«Желтые нашивки...»	126
«Демократию Европа...»	127
«Все тусклее огонек горелки...»	127
«Чтоб сбросить быстро лишний вес...»	127
«Усталость, признаки тоски...»	128
«Гуляешь ли по тропкам и аллеям...»	129
«О, сколько слов прольется в ту минуту...»	130
«Когда красивой надо...»	131
«Боец дивизии разбитой...»	132

Возвращение	133
Вариации по Мюнхгаузену	134
Черный человек (Ж)	135
«Очередной этап кончался...»	137
Зарисовка с натуры	138
Из поэмы «Алые телеса»	139
«Полжизни на учебу...»	140
Из перестроечного	141
«Не вешать нос, гардемарины...»	141
Кир во время	142
«Уж возраст не тот. Успокоиться...»	144
«Товарищ, верь...»	144

Из книги «В прошлом веке». 2004

«Застой гуляет по России...»	146
Летний мираж	147
Признание	148
«А ты такая же, как прежде...»	149
Дарственная	150
«Ты напрасно так смотришь холодно...»	151
«Как хорошо...»	152
Баллада об опрометчивом браке	153
«Старая любовница — старая подруга...»	155
«Лето прошло...»	156
«...и лишь в опавших листьях сентября...»	156
«Как скучно ведать наперед...»	157
«За окнами день, но похожий на вечер...»	158
Девяностые	159
«Гой ты, Русь моя родная...»	160
«Когда подходит возраст сожаленья...»	161
Первая рецензия	162
«Меня измучили дороги...»	163
«Круша, ломая и калеча...»	164
«Я ухожу в бездонный век...»	165
«Ушел — и душа его где-то...»	166

Из книги «Пригород». 2008

«Отгremели июльские грозы...»	168
«Садоводство — это не Анталья...»	170
«Поздний вечер. Попытались птицы...»	171
«Черная клякса пруда под луной...»	172
«У дверей ботинки...»	173
«Из ракушки смешные рожки...»	174
«Дровишки превратятся в пепел...»	175
«Елки да березы...»	176
«Пожелтел обобранный крыжовник...»	177
«Да, конечно же, плохо...»	178
«В архиве памяти, как папку...»	179
«Природа придумала мудро...»	180
«Лекарствами депрессию не лечат...»	181
«Беспредельность желаний и множеств...»	182
«Божий промысел неведом...»	183
«Бытие наше хрупко...»	184
6 июля	185
«Под рябиновым кустом...»	186
«Пройдя сквозь временное сито...»	187
«Я странник...»	188
«Где-то в море ходят корабли...»	189
«Налево — Запад, направо — Восток...»	190
Опальному олигарху	191
«Второй уж век — все та ж мистерия...»	192
Памяти А. Гайдара	193
Юной поросли	194
«Душа трудилась и трудилась...»	195
«Как песок истекает из рук...»	196
«В чем стимул жизни, двигатель прогресса...»	197
«Какая все-таки напасть...»	198
«Опавший лепесток жасмина...»	198
«Он глядел на золото костра...»	199
«У памяти безмерна власть...»	200

«Вокзал. Путь стальных оковы...»	201
«В окошке огонь до рассвета...»	202
«Это отнюдь не пророчество»	203
«Черная туча закрыла полнеба...»	204

«Из неопубликованного. 2008—2009

Антибитлз	206
«Жофрей Пейрак угрюм и седовлас...»	208
«Берлога съемная — каморка папы Карло...»	210
«И юность прошла...»	211
«Олигархом вдруг стану когда-то...»	212
«Дух первичен, а не материя...»	213
«Из ряда незатейливых забав...»	214
«Можно жизни лишить...»	215
«Я как Том — и навеки...»	216
«Копна волос и пара стройных ног...»	217
«Осенний день. Туман над перелеском...»	218
«Средь шумной тусовки...»	219
«У графа Толстого...»	220
«Развод, раздел и расставанье...»	221
«Андреевский флаг...»	222
«На стене припиленное фото...»	223
Памятник	224

Захаров Сергей Анатольевич

«...НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ»

Избранное

Стихотворения

Редактор *Г. Иоффе*

Корректор *И. Попова*

Оформление и верстка *Алексея Портнова*

Подписано в печать 1.09.2009. Формат 70х100 1/32. Гарнитура Лазурский.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ №3157.

Издательство «Петербург — XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4, ДК им. Горького, офис 41а.
Тел.: (812) 300-83-96.
E-mail: ioffe@yandex.ru

*Все книги издательства «Петербург — XXI век»
можно приобрести в Интернет-магазине
www.knigogo.ru*

ОАО Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
198099, СПб., ул. Промышленная, 38, корп. 2.
Тел.: (812) 786-87-13, факс: (812) 786-88-74.